

ДРУГАЯ
ЖЕНЩИНА

ОНА НИКОГДА ЕГО НЕ ОТПУСТИТ

СЭНДИ ДЖОНС

Сэнди Джонс

Другая женщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57484616

Другая женщина: Сундбад; Москва; 2020

ISBN 978-5-00131-248-2

Аннотация

Молодые люди Адам и Эмили любят друг друга, планируют создать семью и жить долго и счастливо. Они проводят вместе все свободное время, но Адам не торопится знакомить девушку с членами своей семьи. Эмили настаивает. День, когда Адам приводит ее на обед к своей маме, становится для Эмили началом настоящего кошмара.

Содержание

Пролог	5
1	6
2	19
3	41
4	51
5	60
6	68
7	82
8	106
9	112
10	121
11	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Сэнди Джонс

Другая женщина

*Посвящается Айви Рольф, моей бабушке,
которая всегда призывала меня быть тем, кем я
хочу быть*

Sandie Jones

THE OTHER WOMAN

Copyright © Sandie Jones 2018

Published in the Russian language by arrangement with
*Darley Anderson Literary, TV & Film Agency of Estelle House
and The Van Lear Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2020.

Пролог

В подвенечном платье она прекрасна. Оно ей необыкновенно идет. Именно так мне и представлялся ее выбор: нечто элегантное, сдержанное и при этом уникальное. Как и она сама. Просто сердце разрывается при мысли, что желанный день для нее никогда не наступит. Но ей пока не нужно об этом знать.

Я думаю о гостях, которые никогда не придут, о рамках без фотографий, о безмолвном и незримом первом танце, о несъеденном свадебном торте и чувствую, что моя решимость ослабевает. И тут же приказываю себе собраться. Сейчас не время для сомнений.

Предстоит еще столько всего сделать, причинить столько боли. Но я не отступлю. Один раз у меня не получилось. Но теперь все будет как надо.

Иначе нельзя. Слишком многое поставлено на карту.

1

Когда я впервые увидела Адама (в переполненном баре лондонского отеля «Гросвенор», у другого края стойки), мне понравилось в нем практически все – за исключением его неумения сочувствовать. Я тогда как раз шла с невероятно скучной конференции «Будущее рекрутинга» и нуждалась в выпивке значительно больше, чем казалось Адаму. Или бармену.

У меня уже сложилось впечатление, что я целую вечность торчу возле стойки, демонстративно размахивая в воздухе потрепанной десятифунтовой купюрой, когда у той же стойки, чуть подальше, возник темноволосый мужчина, пробившийся сюда из глубин зала. В руке он держал карточку.

– Да-да, сюда, приятель, – потребовал он громогласно.

– Э-э... извините, – произнесла я несколько громче, чем хотела. – Думаю, вы сами видите, что я подошла первая.

Он с улыбкой пожал плечами:

– Простите. Я уже жду чуть ли не час.

Я стояла и с изумлением наблюдала, как они с барменом понимающе кивнули друг другу и как без единого слова со стороны клиента перед ним поставили бутылку перони.

– Глазам своим не верю, – беззвучно пробормотала я, когда он снова взглянул на меня. И тут он опять улыбнулся той же улыбкой. И повернулся к очереди, выстроившейся за ним

и сплошь состоявшей из мужчин: он явно намеревался принять их заказы.

– Да вы шутите, – простонала я и уронила голову на руки. Теперь я не сомневалась, что меня не обслужат до окончания времен.

– Что вам налить? – вдруг осведомился у меня бармен. – Вон тот парень думает, что вы по части розового, но я готов поспорить, что вам больше по вкусу джин с тоником.

Я невольно улыбнулась:

– Мне бы очень хотелось доказать, что он не прав. Но, боюсь, сейчас для меня лучше всего именно бокал розового. Будьте любезны.

Он поставил передо мной бокал, и я протянула ему десятку, но он покачал головой:

– Незачем. Прошу вас принять это как подарок от джентльмена, который пролез без очереди.

Даже не знаю, кто из них был мне милее: бармен, которого, по-моему, следовало срочно повесить до главного со-мелье, или довольно, между прочим, славный парень, улы-бавшийся мне с другого края стойки. Охлажденное розовое оказывает мощное воздействие на наши взгляды.

Мое лицо залилось румянцем примерно того же оттенка, когда я подняла бокал, салютуя ему, и направилась в тот угол, где кучковались мои коллеги по семинару, каждый из которых лелеял в руках собственное алкогольное предпочтение. Мы познакомились только часов семь назад, и как-то

само собой выработалось общее мнение: пусть каждый раздобудет себе питье и не переживает за остальных.

А вот мистер Перони явно устроился со своими знакомцами иначе, подумала я, внутренне улыбаясь: подняв глаза, я обнаружила, что он продолжает заказывать напитки для других.

Я отпила совсем чуть-чуть и буквально слышала, как мои вкусовые сосочки благодарят меня за эту холодную жидкость. Подразнив их, она мощно окатила мою гортань. В первом глотке есть особая неповторимость, непонятно почему. Иногда я ловлю себя на том, что нарочно оттягиваю такие моменты – лишь бы не пропустить это ощущение.

Может показаться, что я завзятый алкоголик, хотя на самом деле я пью только по выходным. И еще по нудным, отупляющим средам, после того как целый день промаринуюсь в одном помещении с двумя сотнями сотрудников кадровых управлений. Во время лекции под названием «Никто нас не любит. Но нам все равно» нас любезно проинформировали, что, по данным одного из недавних социологических опросов, консультанты по рекрутингу быстро становятся самыми нелюбимыми специалистами, уступая в этом лишь риелторам. Хотелось бы мне бросить вызов ненавистникам и доказать, что не все мы – безнравственные дельцы, которым чужды всякие представления об этике. Но когда я озираю этих наглых, самоуверенных, крикливых юнцов с зализанными волосами и явно неискренним выражением лица (и все

как один мечтают работать в Сити), мне остается лишь под-
нять руки в знак поражения: да, все так и есть, сдаюсь.

Хотя сегодня на «форуме» я уже представлялась почтеннейшей публике, теперь, приближаясь к этой хищной стае, я почувствовала, что мне следует проделать это снова.

– Привет, я Эмили, – неловко назвалась я какому-то типу на самом краю собравшегося общества. Не то чтобы мне именно с ним особенно хотелось поговорить, но с кем-то говорить следовало – если я хотела прикончить свой бокал и при этом не выглядеть совершеннейшей букой, лузером и изгоем. – Я консультант в «Фолкнере».

Я протянула руку, и он отозвался кратким пожатием, как бы слегка обозначая свою территорию: «Это – мое имение, ты – на моей земле». Хотя мы, между прочим, весь день учились делать диаметрально противоположное.

– Будьте открыты. Пусть к вам будет легко обратиться, – призывал Докладчик № 2 совсем недавно. – И работодателям, и сотрудникам хочется иметь дело с дружелюбными лицами. Им необходимо чувствовать, что они могут вам доверять. Что вы работаете для них – а не наоборот. Взаимодействуйте с клиентами на их условиях, а не на ваших, даже если это наносит ущерб вашей гордости. Рассматривайте каждую ситуацию индивидуально и реагируйте на нее соответственно.

Я всегда гордилась тем, что поступаю именно так. Не зря ведь я уже семь месяцев подряд считалась в «Фолкнере»

ведущим консультантом. Как личность я представляла собой полную противоположность тому, чего обычно ожидают от представителей моей профессии: честная, понимающая, пресыщенная всем этим неуклонным стремлением к достижению цели. И меня все устраивало: в конце концов, такая работа позволяла мне оплачивать аренду жилья, еду и отопление. Между тем на бумаге я демонстрировала потрясающие успехи. Клиенты рвались вести дела исключительно со мной, и я поймала на крючок больше компаний, чем кто-либо еще во всей нашей сети из пяти филиалов. Комиссионные текли рекой. Может, это *мне* следовало стоять на трибуне и поучать их всех, рассказывая, как это делается.

После рукопожатия выяснилось, что этот тип работает в каком-то малоизвестном агентстве, которое базируется в Лион-Си. Он сделал вялую попытку втянуть меня в их кружок. Никто не отрекомендовался. Все предпочитали ощупывать меня взглядом сверху донизу и обратно. Можно подумать, они впервые увидели женщину. Один даже одобрительно покачал головой и негромко присвистнул. Я презрительно покосилась на него и тут сообразила, что это Айвор, плешивый толстяк, возглавляющий крошечную компанию в Бэлеме. Перед обедом я имела несчастье стать его партнером по деловой игре и тут же обнаружила, что изо рта у него несет вчерашним карри. Я так и представила, как он нетерпеливо его поглощает, угнездив на коленях серебристый поддон из фольги.

– Продайте мне эту ручку, – рявкнул он во время упражнения «Как продать снег эскимосу». Меня накрыло невидимое облако затхлой куркумы, и я поморщилась. Я взяла у него самый обычный шариковый «бик» и принялась расхваливать его выдающиеся достоинства: великолепный пластмассовый корпус, легкость движения шарика, плавность подачи чернил. При этом я (не в первый раз) мысленно недоумевала, какой во всем этом толк. Натан, мой шеф, вечно настаивал, что нам очень полезно участвовать в таких конференциях: мол, они помогают нам не закоснеть.

Если он надеялся, что я обрету новый заряд мотивации и буду захвачена рассказами об удивительных новых методах работы, он записал меня на неподходящий день. И моим партнером по игре стал неподходящий человек, это уж точно.

Я все продолжала распинаться насчет замечательных качеств ручки, но, когда подняла взгляд, обнаружила, что Айвор даже не пытается смотреть на пишущее устройство у меня в руке: он уставился пониже, на мой скромный вырез и едва различимую ложбинку между грудями.

– Кхм, – слегка откашлялась я, пытаюсь привлечь его внимание к предмету нашего задания. Но он просто улыбнулся, словно пребывая в мире собственных фантазий. Я инстинктивно свела края блузки, пожалев, что надела не свитер под горло.

И вот теперь я стояла рядом с ним в баре, и его рачьи

глазки по-прежнему на меня пялились.

– Вы ведь Эмма? – проблеял он, делая шаг вперед. Я скосила взгляд на бейдж, прикрепленный у меня на груди, слева, – как если бы хотела сама вспомнить свое имя.

– Э-ми-ли, – отчеканила я, словно обращаясь к годовалому ребенку. – Меня зовут Э-ми-ли.

– Эмма, Эмили, все едино.

– На самом деле нет.

– Нас сегодня утром поставили в одну пару, – горделиво сообщил он другим мужчинам, обступавшим его со всех сторон. – Мы неплохо провели время, как по-вашему, Эм?

Я ясно ощутила, как у меня по спине поползли мурашки.

– Меня зовут Э-ми-ли, а не Эм, – раздраженно бросила я. – И мне кажется, что вместе мы работали не особенно успешно.

– Да ладно вам. – Он огляделся по сторонам, но лицо у него было совсем не такое уверенное, как голос. – Из нас вышла отличная команда. Вы наверняка это почувяли.

Я с подчеркнутым равнодушием посмотрела на него. Никаких адекватных слов для завершения диалога не существовало, а если бы они и нашлись, я не стала бы трудиться их произносить. Я покачала головой, а все прочие неловко глядели в пол. Но я не сомневалась: стоит мне повернуться к ним спиной, как они начнут поощрительно хлопать его по спине. И называть молодчиной.

Вместе со своим наполовину выпитым бокалом я ретиро-

валась в небольшое пустое пространство на краю стойки. В баре было полно народу, и уже минуты через две я поняла, почему на этом месте никто не стоит: здесь в меня то и дело упирались костлявые локти официантов, постоянно мельтешивших поблизости, передавая напитки и собирая опустевшую посуду. Иногда они не стеснялись просто отодвинуть меня плечом.

– Это *наша* зона, – гаркнула молоденькая девчужка с лицом, целиком состоящим из поджатых и заостренных мест. – Не занимайте ее.

– Гос-споди, – пробормотала я, но она меня не услышала, поглощенная чем-то слишком важным, чтобы постоять неподвижно хотя бы секунду. Все-таки я немного отодвинулась, чтобы выйти из «ее зоны», и стала рыться в сумочке в поисках телефона. В бокале у меня оставалось три маленьких глоточка или один большой. Еще максимум четыре минуты – и пойду.

Я тайком проглядела почту, надеясь, что: 1) меня никто не станет беспокоить и 2) будет казаться, что я кого-то жду. Я невольно задумалась, что же мы делали в таких случаях до появления мобильных с их хваленными информационными возможностями. Вероятно, я бы задумчиво листала у этой стойки *Financial Times* или даже сочла уместным завязать разговор с незнакомцем, который мог бы оказаться интересным человеком? В любом случае в результате я наверняка стала бы гораздо информированнее. Зачем же тогда я захожу

в Твиттер посмотреть, как там дела у Ким Кардашьян?

И я внутренне застонала, когда услышала возглас: «Эмили, не желаете еще одну?» Что, правда? Он не уловил намек? Я посмотрела в сторону Айвора, но он с кем-то увлеченно беседовал. Я осторожно огляделась, смущенно осознавая, что человек, который предложил мне выпить, сейчас наблюдает мое смятение. Мой взгляд ненадолго задержался на мистере Перони, который ухмылялся, являя миру ровные белые зубы. Я мысленно улыбнулась, вспоминая, как мать говорила мне (познакомившись с моим последним молодым человеком по имени Том): «Главное – зубы, Эмили. Ты всегда можешь положиться на мужчину с хорошими зубами». Ну да, ну да. И полюбуйтесь, чем это кончилось.

Больше значения я придавала тому, достигает ли улыбка глаз. И заметила, что у этого незнакомца она да, достигала. Я мысленно раздела его, даже не отдавая себе отчета в том, что делаю, и пришла к выводу, что его темный костюм, белая рубашка и галстук с чуть распушенным узлом надеты на хорошо сложенное тело. Представила себе его широкие голые плечи над могучей спиной, сужающейся к талии. Треугольник. А может, и не совсем треугольник. Трудно сказать, что там под костюмом. Иногда он скрывает массу грехов и огрехов. Но я надеялась, что моя оценка верна.

Он пристально смотрел на меня, рукой отбрасывая волосы набок, и я почувствовала, что от выреза блузки у меня поднимается жар. Я жалко улыбнулась, а потом постаралась

вывернуть голову на 360 градусов – продолжая искать источник прозвучавшего голоса.

– Это «да» или «нет»? – Теперь его голос звучал чуть ближе. Мистер Перони ухитрился путем незаметных маневров оказаться почти рядом со мной – если не считать разделявшего нас посетителя. Почти сосед. А вот он уже и совсем рядом.

Словно не замечая его, я подумала: если вы живете через два или через три дома, это все равно называется «почти сосед»?

– Сколько вы уже приняли? – Он рассмеялся, а я продолжала бессмысленно тарашиться на него, хоть и понимала каким-то краешком сознания, что на таком небольшом расстоянии он выше.

– Извините, мне показалось – меня кто-то зовет, – ответила я.

– Я Адам, – представился он.

– Вот как. Эмили. – Я выбросила вперед руку, которая тут же вспотела. – Я Эмили.

– Я знаю. Это написано у вас на груди. Довольно крупно. Я посмотрела вниз и почувствовала, что краснею:

– Ага. Значит, разыгрывать из себя недотрогу – это не для меня.

Он наклонил голову набок, лукаво блеснул глазом:

– А кто сказал, что мы играем?

Я понятия не имела, играем мы или нет. Умение флирто-

вать вообще никогда не относилось к числу моих сильных сторон. Я никогда не знала, с чего начинать. Так что пусть сам играет, подумала я. Если, конечно, его интересует именно эта игра.

– Зачем вам тут бедж с именем? – осведомился мистер Перони, он же Адам, со всем кокетством, на какое способен мужчина.

– Я участвую в элитарной конференции, – заявила я очень смелым тоном, который вовсе не соответствовал моим ощущениям.

– Вот как? – Он улыбнулся.

Я кивнула:

– Учтите, в своей сфере я принадлежу к специалистам экстра-класса. По статусу и по эффективности мне практически нет равных.

– Ну и ну. – Он усмехнулся. – Значит, вы участник семинара продавцов туалетной бумаги? Я видел объявление на входе.

Я с трудом подавила улыбку.

– На самом деле это секретное совещание М15, – прошептала я, озираясь с заговорщическим видом.

– Потому-то вы и написали свое имя через всю грудь? Чтобы никто не догадался, кто вы.

Я пыталась сохранить видимость невозмутимости, но уголки рта у меня неудержимо ползли вверх.

– Это мой оперативный псевдоним, – заявила я, похлопав

по дешевой пластмассовой табличке. – Исключительно для конференции.

– Понимаю, агент Эмили, – ответил он, поднимая рукав и обращаясь к своим часам. – Значит, тот джентльмен по направлению три ноль-ноль – тоже агент?

Он ждал, чтобы я подхватила шутку, но я даже не знала, куда смотреть. Я вертелась во все стороны, тщетно пытаюсь найти «три ноль-ноль» на своем внутреннем компасе. Он со смехом поймал меня за плечи и развернул так, чтобы я посмотрела на Айвора, который бурно жестикулировал, обращаясь к коллеге мужского пола и жадно пожирая глазами дамочку в обтягивающих кожаных штанах, расположившуюся позади упомянутого коллеги. К счастью, она явно не осознавала, что он впился в нее взглядом. Я невольно содрогнулась.

– Ответ отрицательный, – сообщила я, приставив руку к уху. – Это не агент. Дополнительная информация: это не джентльмен.

Адам рассмеялся. Похоже, ему понравилось, что я все больше проникаюсь шпионской темой.

– Следует ли классифицировать его как противника? – поинтересовался он.

– Ответ положительный. Можете его ликвидировать, если хотите.

Он прищурился, чтобы разглядеть бейдж объекта.

– Айвор? – спросил он.

Я кивнула.

– Айвор Длиннон?

Он посмотрел на меня, ожидая реакции. Честно говоря, до меня далеко не сразу дошло, в чем тут соль. И все время, пока я соображала, он просто стоял и глядел на меня.

2

Вообще-то я не искала себе нового молодого человека. Я даже не знала, что этого хочу, – пока не появился Адам. Мы с Пиппой, моей соседкой по съемной квартире, жили в благословенном довольстве: ходили на работу, возвращались домой, устраивали чай на подносиках, а потом объедались шоколадом, пока смотрели подряд сразу несколько серий «Побега». Эти несколько кратких часов – просто рай земной, но наутро я встаю на весы и проклиная четыре килограмма, которые набрала за зиму. И каждый год то же самое, и тут мало помогает тот факт, что я никогда не хожу в зал, за который плачу, между прочим, семьдесят два фунта в месяц. Я больше не влезаю в джинсы двенадцатого размера, которые спокойно носила еще прошлым летом. Но вместо того чтобы купить себе четырнадцатый, я предпочитаю прочесывать магазины в поисках более щадящего двенадцатого, в который я все-таки смогу себя запихнуть. Я все лето провела в состоянии отрицания реального положения вещей. И *до сих пор* обманывала себя: теперь я мысленно твердила, что нам обещают бабье лето, и тогда-то ко мне вернется мотивация по части поддержания себя в форме.

Время от времени я куда-нибудь выбираюсь, особенно в районе дня зарплаты, но все эти выходы в свет – уж не те, что раньше. Может, потому, что я становлюсь все старше.

А может, потому, что все прочие делаются моложе. Так или иначе, я не вижу особой пользы в том, чтобы стоять в битком набитом пабе, где нужно локтями прокладывать себе дорогу к барной стойке всякий раз, когда хочется выпить. Пиппа несколько раз, преодолевая мое бешеное сопротивление, за-таскивала меня на концерты – но, к сожалению, мы так ни разу и не сходили в «O₂»¹. Она предпочитает всякие подземные катакомбы, где группы (у меня такое ощущение, что она спала почти со всеми этими музыкантами) бесятся на сцене и призывают зрителей поступать точно так же. А я в одиночестве стою где-то сзади, слушая через наушники «Величайшие хиты из мюзиклов» (выведа звук погромче).

Слава богу, что есть Себ. Это мой лучший друг и, так сказать, мужская версия меня. Я бы вышла за него еще сто лет назад, если бы думала, что его можно хотя бы на какую-то долю процента сделать натуралом. Но увы – я вынуждена довольствоваться вечерами в звуконепроницаемой кабинке для караоке, где мы с ним сражаемся за лучшие строчки из «Отверженных». Мы познакомились во время моего «парикмахерского периода» (так он это называет). Было так: секретарская работа меня не удовлетворяла, вот я и пошла на вечерние курсы парикмахеров и визажистов. Видимо, я представляла, что стану кем-то вроде Ники Кларка² в юбке, что у

¹ «O₂» – развлекательный комплекс на полуострове Гринвич в Юго-Восточном Лондоне. (Здесь и далее прим. пер.)

² Кларк Ники – английский мастер парикмахерского искусства, владелец сети

меня будет модный салон посреди Мейфэра и что знаменитостям придется записываться ко мне за несколько месяцев. Вместо этого я три месяца провела за подметанием обрезков чужих волос и заработала экзему на руках – из-за едкого шампуня. Я вечно кидалась осуществлять какие-то свои малопродуманные идеи: меня всегда завораживали ложные представления о величии. К примеру, в нашем местном колледже я записалась на домоводство. При этом я вовсе не намеревалась узнавать, как делать хорошенькие диванные подушечки или часами отскрести пять слоев старой матовой краски с дряхлого комода. О нет, я собиралась стать новой Келли Хоппен³ и каким-то образом обойти упорные труды и освоение основ – все то, что требуется для овладения новыми умениями. Я планировала отправиться прямиком в Нью-Йорк, где мне тут же, конечно, поручат разработать дизайн гигантского лофта для Чендлера из «Друзей». Незачем добавлять, что подушка так и осталась недоделанной, а образцы обоев и тканей, которые я купила для занятий, так больше и не узрели света дня.

Себ с близкого расстояния проследил по меньшей мере за четырьмя такими изменениями моего выбора будущей карьеры и неизменно – с огромным энтузиазмом – поддерживал каждое мое решение на сей счет, заверяя, что я «ну про-

парикмахерских салонов. Прославился благодаря телешоу, в которых делал прически знаменитостям.

³ Хоппен Келли – южноафриканский дизайнер интерьеров.

сто создана для этого». Но когда очередное увлечение проходило и я, валяясь на диване, жаловалась на свою полную никчемность, он старался убедить меня, что на самом-то деле мне не очень подходит такое занятие. Теперь-то я нашла свое призвание. Это произошло в несколько более позднем возрасте, чем я планировала. И тем не менее я понимаю: продавать людей – это мое. Я знаю, что делаю. И я делаю это хорошо.

– Итак, он аналитический аналитик и работает в IT? – с подозрением уточнил Себ на другой день. Мы сидели в парке Сохо-сквер и вдвоем ели один сэндвич и один салат из кафе «M&S». – Что бы сие ни означало.

Я с энтузиазмом закивала, хотя в глубине души испытывала такие же сомнения. Я помещала реальных людей на реальные рабочие места: продавцов-консультантов – в магазины, секретарей – в офисы, медсестер-стоматологов – в клиники. Информационные технологии – это совершенно особая новая игра, это отрасль чудовищных размеров, и мы в «Фолкнере» ее не трогаем: пусть тамошними кадрами занимаются специалисты.

– Судя по твоему рассказу, он большой шутник, – заметил Себ, отчаянно пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица. – Чем он тебя взял? Очаровал своими мегабайтами?

Я засмеялась:

– У него не такой вид, как ты мог бы ожидать.

– То есть без очков и без пробора посреди головы?

Улыбаясь, я помотала собственной головой.

– И его зовут не Юджин?

– Нет, – промычала я, набив рот хлебом с ростбифом. –

Он высокий, у него темные волосы и отличные зубы.

– О-о, твоя мамочка будет в восторге.

Я тронула его за плечо:

– А еще у него очень сексуальный голос. Глубокий и таинственный. Как у Мэттью Макконахи, только без тexasского акцента.

Себ насмешливо поднял брови:

– Отсюда следует, что он говорит совершенно не как Мэттью Макконахи.

Но я настаивала:

– Ты знаешь, о чем я. И большие руки, реально большие.

И ногти очень аккуратные.

– Какого черта ты пялилась на его руки? – Себ чуть не подавился своим лимонадом (без газа). – Ты с ним провела всего пятнадцать минут и умудрились разглядеть, что там у него с кутикулами?

Обиженно пожав плечами, я заметила:

– Я просто говорю, что он явно заботится о своей внешности, и мне это нравится в мужчинах. Это важная вещь.

Себ хмыкнул:

– Все это очень мило, но каковы шансы, что ты с ним еще увидишься? По шкале от одного до десяти.

– Честно? Один. Или два. Во-первых, он из тех, у кого

всегда есть девушка. А во-вторых, по-моему, он на все смотрел через пивные очки.

– Он был пьяный или просто... навеселе?

– Трудно сказать. Вообще они провожали кого-то из сослуживцев. И он, кажется, что-то говорил насчет того, что они перебрались сюда из какого-то паба в Сити, так что они явно уже какое-то время угощались. Адам-то нормально выглядел. Ну, может, он был такой... немного растрепанный, но я же не знаю, какой у него обычно вид. А вот из его приятелей один-два, похоже, уже сильно набрались, они с трудом на ногах держались.

– Обслуге в «Гросвеноре», конечно, очень понравилось, что у них заправляется такая публика, – рассмеялся Себ.

– Кажется, их попросили покинуть помещение – тогда же, когда я сама уходила. – Я скорчила гримасу. – Как раз начинали подтягиваться клиенты-толстосумы, а бар больше напоминал не почтенное заведение на Парк-Лейн, а что-то такое на Магалуфе.

– Похоже, дело дрянь, – проговорил Себ.

Я сморщила нос:

– Ну да. Думаю, вероятность того, что он проявится, близка к нулю.

– А ты посмотрела на него особенным взглядом? – поинтересовался он.

– Каким еще взглядом?

– Сама знаешь. Есть такое выражение лица: «затащи меня

в постель, а то потеряешь навеки». – Он помахал ресницами и облизал губы самым несексуальным манером – как пес после того, как ему насыпали шоколадных шариков. Один мой потенциальный поклонник некогда сообщил ему, что у меня «глаза, навевающие мысли о спальне» и «пухлейшие на свете губы». Разумеется, потом Себ повторял мне это несметное количество раз. – Ну так что, посмотрела или нет?

– Да иди ты!

– В чем ты была? – спросил он.

Я поморщилась:

– Черная юбка-карандаш, белая блузка. А что?

– Он позвонит. – Себ улыбнулся: – Вот если бы ты была в этом платье-палатке, которое ты ухватила на распродаже в *Whistles*, тогда я бы сказал – без шансов. Но я видел твою юбку-карандаш. Шансы – от средних до высоких.

Я засмеялась и кинула в него вялым листком салата. У каждой женщины должен иметься такой вот Себ. Он дает откровенные – до жестокости – советы, которые иногда совершенно сбивают меня с толку и заставляют переоценить всю свою жизнь. Но сегодня, как ни удивительно, я способна принять его умозаключение. И сейчас я даже рада, что у меня есть такой специалист, который может разобраться в ситуации. Потому что он всегда, черт побери, оказывается прав.

– И как же ты намерена сыграть, когда он позвонит? – осведомился Себ, извлекая лист салата из бороды и бросая

его в траву.

– *Если* он позвонит, – подчеркнула я. – Сыграю как всегда.

Роль застенчивой скромницы.

Себ расхохотался и повалился на спину, щекоча себе ребра для вящего эффекта:

– Из тебя такая же скромница, как из меня мачо.

У меня возникло сильное искушение опрокинуть ему на голову оставшееся содержимое пластмассовой салатницы, пока он корчится от смеха на траве, но я знала, что в таком случае это, скорее всего, перерастет в полномасштабную продуктовую битву. В ближайшие часы мне предстояло еще много дел и как-то не хотелось подвергать свою шелковую рубашку массажной атаке с применением приправ, содержащих бальзамический уксус. Так что я просто слегка пнула его носком своей лакированной туфли-лодочки.

– И ты все время объявляешь себя моим другом? – надменно спросила я, поднимаясь, чтобы уйти.

– Объявишь мне, когда он объявится! Позвонишь, когда он тебе позвонит! – крикнул Себ мне вслед. Он продолжал хихикать.

– Я тебе позвоню, *когда* он позвонит! – крикнула я в ответ, уже дойдя до ворот парка.

Чуть позже, посреди одной из моих дневных встреч, у меня зазвонил телефон. Мой клиент, китайский бизнесмен, с помощью переводчика искавший персонал для своей неуклонно расширяющейся компании, жестом показал мне,

чтобы я ответила на звонок. Вежливо улыбнувшись, я покачала головой, но надпись «Неизвестный номер» подогрела мой интерес. После еще трех сигналов предприниматель взглянул на меня умоляюще: можно подумать, он прямо-таки упрашивал меня отозваться.

– Извините, – произнесла я и вышла. Ну держитесь. Если это не что-то важное, я вам покажу.

– Эмили Грандбок, – сказала я, проведя пальцем по экрану айфона и поднеся аппарат к уху.

– Грандбок? – переспросил голос в динамике.

– Да. Чем я могу вам помочь?

– Неудивительно, что они не стали помещать вашу фамилию на бедж. – Он засмеялся.

По шее у меня явно поползла краснота, снизу вверх. Ее сполохи добрались до моих щек.

– К сожалению, в данный момент у меня деловая встреча. Могу я вам перезвонить?

– Не помню, чтобы у вас был такой шикарный аристократический выговор. Или вы всегда так по телефону?

Я промолчала, но улыбнулась.

– Ладно, перезвоните, – разрешил он. – Это Адам, кстати. Адам Бэнкс.

Он думает, что я дала свой номер какому-то несметному количеству мужчин?

– Пришлю вам эсэмэску, – добавил он. – А то вдруг мой номер у вас не высветился.

– Благодарю вас. Я постараюсь в ближайшее время с вами связаться.

Я отключилась, но успела услышать его смешок.

Остаток встречи я толком не могла сосредоточиться и даже поймала себя на том, что норовлю свернуть ее раньше времени. Впрочем, я не хотела перезванивать ему слишком быстро: иначе он подумает, что я прямо рвусь с ним пообщаться. Поэтому, когда переводчик сообщил, что клиент желал бы показать мне свое новое офисное пространство, находящееся несколькими этажами выше, я с благодарностью ухватилась за это предложение.

Неделю спустя, во время нашего совместного обеда, мне пришлось объяснять Адаму, почему в тот раз я перезвонила ему только через три часа.

– И вы всерьез предполагаете, что я клюну на такую басню? – спросил он недоверчиво.

– Ну вот честное слово. Я не из тех, кто нарочно оттягивает разговор, просто чтобы показаться крутым. Может, часок и могла бы заставить вас понервничать. Но три? Это уж просто грубо. – И я рассмеялась.

У него появились морщинки у глаз: он сдерживал улыбку.

– И вы застряли в лифте? И все это время там проторчали?

– Да. Три *реально* длинных часа. С человеком, который почти не говорит по-английски. И с двумя суперумными телефонами. Как выяснилось, ни одному из них не хватает ума позвать на помощь.

Он поперхнулся своим совињон-блан и, брызгая вином, заметил:

– Вот вам и китайская техника.

Когда я месяц спустя познакомила Адама с Себом, мы успели встретиться с ним (с Адамом) еще восемнадцать раз.

– Ты что, серьезно? – простонал Себ, когда я третий вечер подряд заявила, что не могу с ним увидаться. – Когда ты сможешь и меня вписать в свой график свиданий?

– Только вот не надо этой ревности, – поддразнила я его. – Завтра вечером – как тебе?

– Если только он не попросит тебя о еще одной встрече, да?

– Обещаю, завтрашний вечер – твой и только твой. – Хотя даже в этот момент, произнося эти слова, я чувствовала некоторое огорчение.

– Ладно. Чем займемся? – спросил он не без обиды в голосе. – Тут вышел фильм – по книге, которую мы оба когда-то обожали.

– «Виноваты звезды»? – Я не думала ни секунды. – Мы с Адамом сегодня вечером идем.

– А-а.

Я почувствовала его разочарование, и мне тут же захотелось отвесить себе пощечину.

– Ничего страшного, – проговорила я с напускной бодростью. – Я завтра еще раз схожу. Книга была потрясающая, значит, и фильм должен быть классный, правда? Мы с тобой

просто *обязаны* вместе его посмотреть.

– Ну, если ты так уверена... – Казалось, настроение у Себа немного улучшилось. – Смотри там, не слишком им наслаждайся со своим дружкой.

Случайности – тонкая штука. Когда мы сидели в кино, я слишком отчетливо осознавала, что рядом Адам ерзает в своем кресле, то и дело поглядывая на экран телефона.

– Что ж, очень милая сказочка, – заключил он, когда часа через два мы вышли на улицу.

– Тебе-то хорошо, – заметила я, хлюпая носом и стараюсь понезаметнее высморкаться в салфетку. – А мне завтра опять все это переживать.

Он остановился и повернулся ко мне:

– Почему так?

– Потому что я обещала Себу пойти с ним.

Адам вопросительно поднял брови.

– Мы с ним оба очень любили эту книгу и всегда клялись, что, когда снимут фильм, мы пойдем на него вместе.

– Но ты его уже увидела, – заметил он. – Работа сделана.

– Я знаю, но это такая вещь, которую мы с ним хотели сделать вдвоем.

– Мне нужно познакомиться с этим Себом, который пытается тебя увести, – произнес он, притягивая меня к себе и, чего уж там, вдыхая запах моих волос. Потому что он ткнулся в них носом.

– Если бы он был натурал, для тебя возникли бы серьез-

ные проблемы, – засмеялась я. – А так тебе не о чем переживать.

– Все равно давайте все вместе соберемся как-нибудь вечером на той неделе. Обсудим достоинства и недостатки глупого фильма, который мы только что посмотрели.

Я нанесла ему шуточный удар по руке, а он поцеловал меня в макушку. Казалось, мы с ним уже давным-давно, но восторг от того, что он просто здесь, рядом, до сих пор пузырьками носился у меня в крови, словно наполняя огнем каждый нерв. И я не хотела, чтобы это ощущение когда-нибудь исчезло.

Еще слишком рано было строить уверенные прогнозы, но во мне росло нечто такое, чего никто не мог разглядеть, какая-то незримая часть меня, которая надеялась, что у нас с ним происходит нечто особое. Мне не хватало храбрости (а может, глупости), чтобы распевать со всех доступных крыш, что Адам – «тот самый, единственный», но мне нравилось, как все это ощущается. Ощущалось это необычно – в том смысле, что совсем не походило ни на что предыдущее. И я скрестила все возможные пальцы, надеясь, что моя интуитивная догадка окажется верной.

Нам друг с другом было комфортно – не до той степени, чтобы я оставляла дверь в ванную нараспашку, но я уже не так безумно волновалась, подходит ли лак для ногтей к оттенку помады. А ведь в моей жизни было мало молодых людей, которые задерживались в ней достаточно надолго, что-

бы увидеть, как эти цвета перестают у меня гармонировать.

– А не слишком ли рано применять себометр? – спросил Себ, вытирая глаза, когда двадцать четыре часа спустя мы с ним выходили из того же кино. – Еще ведь даже месяц не прошел?

– Большое спасибо, ты всегда в меня вселяешь такую уверенность, – мрачно отозвалась я. Признаться, я тоже всхлипывала (как и вчера), но, поскольку я была с Себом, это не имело значения. Я взяла его под руку, объединяя нас в этой грусти по поводу финала.

– Я не хочу показаться пессимистом, но тебе не кажется, что у вас все как-то слишком интенсивно? Такие штуки обычно не длятся долго. Ты с ним видишься почти каждый вечер. У вас очень быстро началось – но, может, быстро и прогорит? Не забывай, я-то знаю, какая ты.

Я улыбнулась, хотя меня немного задело его – разумеется, совершенно несправедливое – предположение, что у нас с Адамом просто мимолетный романчик.

– Нет, Себ, я никогда такого раньше не чувствовала. И мне нужно, чтобы ты с ним познакомился. Потому что мне кажется – возможно, это превращается во что-то серьезное. И мне важно, чтобы он тебе понравился.

– Но ты же знаешь, что получишь очень честную оценку, – заметил он. – Ты к этому готова?

– Думаю, он тебе придется по душе, – ответила я. – А если нет – притворись, что пришелся.

Он рассмеялся:

– А есть какие-то запретные темы? К примеру, рассказ о том, как ты предлагала мне жениться на тебе? Или о том, как на концерте *Take That* ты кинула в музыкантов своими трусами?

Я тоже засмеялась:

– Ну и что, можешь про все это рассказывать. И вообще говори что хочешь. Нет ничего такого, о чем он не должен знать.

– Погоди. – Себ наклонился и издал такой звук, будто его вот-вот стошнит. – Ага, теперь получше. Так о чем мы говорили?

– Тебе известно, что ты умеешь жутко доставать людей? – спросила я со смехом.

– А ты бы сама не захотела, чтобы я вел себя по-другому.

– Если серьезно, он довольно сдержанный тип, так что вряд ли ты сумеешь его так уж легко ошеломить.

Да уж, сдержанность Адама меня всегда поражала. Температура его ледяной выдержки приближалась к абсолютно нулю. В его мире все всегда спокойно и под контролем – что-то вроде моря без всяких волн. Он не злится, когда перед нами мучительно медленно тащится машина, которую невозможно обогнать. Он не обзывает «Юго-восточные железные дороги» всеми возможными эпитетами, когда листопад на путях вызывает задержки поездов. И он не винит соцсети во всех бедах Земли. «Если тебе не нравится то, что

они выкладывают, зачем ты туда вообще ходишь?» – спрашивал он, когда я жаловалась, что мои школьные друзья постыдят каждое слово, срыгивание и испускание газов, произведенные их дитятей.

Никакие банальные происшествия, которые заставляли меня кипеть от негодования почти каждую минуту каждого моего дня, казалось, совершенно его не трогали. Может, он нарочно пока отстранялся, осторожно прокладывая себе путь так, чтобы не задевать мои собственные волны и течения. Может, думала я, потом он мне начнет рассказывать обо всяких своих проблемах. Мне хотелось, чтобы он говорил о себе побольше. Мне требовалось убедиться, что в венах у него настоящая кровь и что она будет сочиться наружу, если он порежется.

Я несколько раз пыталась спровоцировать его на острую эмоциональную реакцию – в сущности, просто чтобы проверить, бьется ли у него вообще сердце. Но мне все никак не удавалось его расшевелить. Казалось, он совершенно доволен тем, что беззаботно бредет по жизни. Казалось, у него нет ни потребности, ни желания предлагать мне что-то большее. Может, я к нему несправедлива. Может, он просто так устроен. Но мне время от времени хочется, чтобы кто-то бросил мне вызов, даже если это будет просто в форме обсуждения какой-нибудь статейки в *Daily Mail*. Да пусть это будет что угодно, лишь бы оно позволило мне заглянуть в его мир. Но, несмотря на все мои усилия, в итоге всегда оказы-

валось, что говорим мы обо мне, даже когда я сама начинала задавать ему вопросы. Я не могла отрицать, что иногда эта перемена казалась очень освежающей: последний молодой человек, с которым я провела вечер, весь этот вечер трепался о своей страстной увлеченности видеоиграми. Но Адам постоянно отклонял все мои вопросы о нем. И я спрашивала сама себя: а что я о нем, собственно, знаю?

Вот для чего мне потребовалось участие Себа. Он из тех, кто умеет пробуриться сквозь все эти бесчисленные оболочки, окутывающие истинный характер человека, и проникнуть в самую душу – которую собеседник часто обнажает перед ним всего через несколько минут после того, как с ним познакомился. Как-то раз он спросил у моей матери, были ли мой отец ее единственным мужчиной. Я тут же закрыла уши руками и запела «ля-ля-ля», но все-таки услышала ее признание. Оказывается, у нее был чудесный роман с одним американцем, как раз перед тем, как они с моим отцом стали жить вместе.

– Но это не была такая интрижка, о которых сегодня говорите вы, молодые, – заметила она. – Никаких тайных свиданий и аморального секса. Мы оба не состояли в браке, так что это не была связь в *вашем* смысле. Просто замечательная встреча двух людей, которые во всем находились на одной волне.

Я так и раскрыла рот от удивления. Мало мне потрясения, что моя мать, судя по всему, занималась сексом больше

двух раз в жизни (в результате этих двух раз она произвела на свет меня и моего брата), так в этом еще и участвовал *не только* мой отец? Дочерям редко выпадает возможность услышать из уст родителей такие вот драгоценные откровения об ушедших временах. Не успеешь оглянуться, а спрашивать уже некого. Но когда ты с таким, как Себ, наружу выплывают все крупицы истины, и ты даже не понимаешь, как это происходит.

В общем, мы с Адамом и Себом договорились, что в ближайший же уикэнд пересечемся в одном баре в Ковент-Гардене. Я не хотела предлагать, чтобы мы прямо вот пообедали вместе – на случай, если встреча покажется немного натужной и неловкой. Но все-таки надеялась, что вечер естественным путем выльется в совместный ужин. Мы еще не допили первый бокал, когда Себ уже спросил Адама, где тот вырос.

– Возле Рединга, – ответил он. – А когда мне было девять, мы перебрались в Севенокс. А ты?

Вот он, его излюбленный прием. Но Себа так просто не собьешь.

– Я родился в одной больнице в Луишеме и с тех пор там остаюсь. Ну, не в роддоме, конечно, а в двух улицах от него, буквально. Рядом с Хай-стрит. Пару лет назад я ездил в Севенокс. Я тогда встречался с одним парнем – у него было там дизайнерское консалтинговое бюро. Там очень мило. А что тебя сподвигло на переезд из Рединга?

Адам неловко поерзал:

– Э-э... Отец умер. У мамы в Севеноксе жили друзья, и ей не помешала бы помощь – она теперь нами одна занималась. Мной и младшим братом. В Рединге ей было незачем оставаться. Отец много лет работал там в майкрософтовском филиале, но теперь...

Он умолк.

– Ну да, я вот тоже потерял отца, – сообщил Себ. – Мерзко, а?

Адам печально кивнул.

– И что же, твоя мама до сих пор одна? Или она кого-нибудь встретила? – спросил Себ и тут же с виноватым видом добавил: – Прости, я ведь так понял – она еще с нами?

Адам снова кивнул:

– Слава богу, да. Она до сих пор в Севеноксе. И до сих пор одна.

– Тяжело, когда они одни, правда? – проговорил Себ. – Чувствуешь куда больше ответственности за них. Даже когда ты еще ребенок; и это дети должны вести себя как настоящие взрослые.

Подняв брови, Адам опять кивнул. Я не могла поддержать этот разговор, поскольку и отец, и мать у меня, к счастью, живы. Поэтому я предложила принести нам всем еще выпить.

– Да я сам, – вызвался Адам, с явным облегчением хватаясь за эту возможность на время избавиться от допроса, который ему учинил Себ. – Вам то же самое?

Мы с Себом кивком ответили положительно.

– Ну и? – спросила я, едва Адам повернулся к нам спиной.

– Очень славный, – изрек Себ. – Очень.

– Но? – Я чувствовала, что грядет какое-то «но». Сердце у меня, что называется, ушло в пятки.

– Даже не знаю. Есть в нем что-то такое... пока не понимаю, в чем тут дело.

В эту ночь, уже после любви, мы с Адамом лежали рядом, проводя пальцами друг другу по груди, и я снова подняла тему его родителей.

– Как по-твоему, я бы понравилась твоей матери? – спросила я.

Он перекатился на бок и приподнялся, опираясь на локоть. Свет был выключен, но занавески мы оставили открытыми, и в ярком свете луны я видела его силуэт, совсем рядом. И я чувствовала на своем лице его дыхание.

– Конечно понравилась бы. Она бы решила, что ты – просто совершенство.

Я невольно отметила, что он сказал «она бы решила», а не «она решит». Огромная разница. Первое – нечто гипотетическое. Второе – нечто более весомое, нечто такое, что выражает определенные намерения. То, что он выбрал условное наклонение, а не будущее время, говорило о нем очень много.

– Значит, ты в ближайшее время не планируешь нас знакомить? – Я постаралась, чтобы мой вопрос прозвучал как

можно легковеснее.

– Мы вместе всего месяц. – Он вздохнул, явно чувствуя истинный вес вопроса. – Давай не будем спешить. Посмотрим, как все повернется.

– Получается, я достаточно хороша, чтобы со мной спать, но недостаточно хороша, чтобы знакомить меня с твоей матерью?

– Ты хороша и для того и для другого. – Он засмеялся. – Просто давай не будем торопить события. Никакого давления. Никаких обещаний.

Горло у меня так и сжалось. Борясь с этим ощущением, я отвернулась. Никакого давления, никаких обещаний? Это еще что такое? И почему для меня это вдруг так важно? Я могла сосчитать всех своих любовников на пальцах двух рук. Каждый из них для меня что-нибудь да значил, если не считать одного поразительно нехарактерного для меня одноразового эпизода после празднования совершеннолетия одной моей подруги.

Ну да, я раньше и влюблялась, и просто ощущала желание, но я не могла вспомнить, чтобы прежде у меня возникало в отношениях с мужчиной подобное чувство защищенности. Адам вызывал у меня именно такое чувство – а также вышеперечисленные. Можно было проставить галочки напротив всех пунктов в списке – всех до единого. Впервые в своей взрослой жизни я ощущала себя целостной – как если бы все кусочки пазла наконец встали на свои места.

– Ладно, – произнесла я. Меня саму раздражала собственная липучесть. Я бы с радостью продемонстрировала его какой-нибудь троюродной сестре сводной тетки моей матери. Но он, видимо, смотрел на это иначе. И мне это было неприятно. И я ничего не могла с собой поделать.

3

Внизу просигналила машина.

Пиппа (она курила, свесившись из окна) крикнула мне:

– Прикатил твой парень! На своей шикарной тачке.

– Ш-ш-ш, – укоряюще прошипела я. – Услышит.

– До него три этажа. И *его*, черт побери, слышит половина улицы, так что я бы насчет этого не переживала.

Я частично протиснулась в то же самое окно и помахала ему. Он прогудел в ответ, и наш сосед Билл поднял голову, оторвавшись от мытья собственной машины.

– Все нормально, Билл! – успокоила его Пиппа. – Это просто кавалер Эмили прибыл.

Пожав плечами, Билл вернулся к своему занятию. Идеальный сосед: настороже, когда надо, а когда не надо, делает вид, что ничего не замечает.

Мы с Пиппой не соответствовали типичной демографической ячейке данного района: статистической нормой здесь считалась молодая семейная пара, среднее количество детей – 2,5. Все они уверяли, что обожают Ли, этот отличающийся большим человеческим разнообразием анклав между Луишемом и Блэкхитом, но и мы, и они знали, что они лишь ждут возможности вскарабкаться на очередную социальную ступеньку и перебраться в богатенький Блэкхит. (Эта ступенька была, надо признать, очень высокой.) Зона «Юго-

Восток-3» – вот где всем хотелось очутиться. Там чувствуешь себя, словно ты не в Лондоне, а в какой-то забавной деревушке. И там полно открытых пространств, совершенно необозримых. Говорят, в XVII веке там хоронили жертв чумы, Черной смерти, отсюда и название Блэкхит – «черная вересковая пустошь». Но это мало беспокоит наших современников, которые летним вечером не прочь устроить там импровизированный пикник с шашлыками. Мы с Пиппой много раз присоединялись к этим веселящимся массам, которые делают вид, будто там живут, и зажигали огонь под одноразовым подносиком из фольги, поспешно купленным на ближайшей заправке. Мы как-то всегда приходили туда слишком поздно, и нам уже не доставались лучшие места (возле пабов). Когда мы набирались храбрости и считали, что сегодня британская погода нас не подведет, было уже четыре часа дня и в *Sainsbury* успевали выместить подчистую весь шашлычно-грильный отдел.

– О-о, ты роскошно выглядишь, – отметила Пиппа.

Я сделала вид, что разглаживаю свое обтягивающее платье спереди, хотя разглаживать там было, прямо скажем, нечего.

– Ты думаешь?

Я почти час мучительно выбирала, что надеть. Миленькая блузка и белые джинсы – более непринужденный наряд. Платье с особой структурой – более формальный. При этом мне не хотелось создавать впечатление, будто я приложила

слишком много стараний. Но мне показалось, что приложить недостаточно усилий в таком случае – это еще хуже. В итоге победило это самое платье темно-синего цвета. Креп сжимал мне талию, облегал бедра и заканчивался чуть ниже колена. Декольте было самое скромное, зато этот крой очень выигрышно подавал мою грудь. Как заметила бы моя мать, «это платье натянуто везде, где нужно».

– Волнуешься? – спросила Пиппа.

– Да нет, все нормально, – соврала я. Ей незачем было знать, что после выбора наряда я еще целый час провела, орудуя феном, собирая волосы в высокую прическу, распуская их, снова собирая. Они успели отрасти до плеч, даже сильнее: я уже довольно давно им такого не позволяла. Вид оживляли несколько мелированных прядей среди моих натуральных рыжих. В итоге я все-таки решила все это поднять, а две прядки убедила спуститься по обеим сторонам лица, чтобы выглядеть не так строго. Пару дней назад я сделала французский маникюр, и он до сих пор хорошо держался. Макияж – легкий, типа «естественный», я всегда такой предпочитала. Мне хотелось создать образ непринужденного шика. В конце концов, я ведь просто ехала знакомиться с матерью своего молодого человека. На самом деле я меньше готовилась к свадьбам близких подруг.

– Удачи, – окликнула меня Пиппа, когда я уже взялась за ручку двери. – Она тебя страшно полюбит.

Но я, увы, не разделяла ее уверенности.

Идя по дорожке к машине, с букетом в руке, я заметила, что Адам смотрит на меня, и постаралась вышагивать как можно элегантнее.

– Ого, выглядишь великолепно, – сообщил он, когда я забралась в машину и наклонилась его поцеловать. Процедура длилась несколько дольше, чем мы ожидали, и я упрекнула его, что он размазал мне всю помаду.

– Да, придется тебе, видно, заново краситься. – Он с улыбкой вытер губы. – А колготки запасные ты прихватила? – Его рука прошла по моим ногам, снизу вверх. – А то вдруг я эти порву.

Я подняла взгляд на Билла, полировавшего капот, и беззлобно отпихнула руку Адама.

– Ну хватит, а? У бедняги уже был инфаркт. Хочешь, чтобы я ему устроила еще один?

– Скорее всего, он уже много лет не видел ничего столь же интересного, – рассмеялся он.

Цыкнув на него, я повернулась и осторожно уложила цветы на заднее сиденье.

– Ага, пытаемся на кого-то произвести впечатление, да? – осведомился он с улыбкой.

– Ха-ха, жутко смешно.

– Как ты вообще насчет этого, нормально? – Он взял меня за руку.

– Вообще меня немного тошнит, – призналась я. – Я в своей жизни знакома только с одной матерью.

Он рассмеялся:

– Похоже, встреча прошла не слишком успешно, раз ты здесь, со мной.

Я слегка толкнула его локтем – уже привычный шуточный жест:

– Для меня это очень важно. Если я ей не понравлюсь, это конец. Ты меня, скорее всего, даже не повезешь обратно.

– Она тебя сразу полюбит, – заверил он, порываясь взъерошить мне волосы.

Я перехватила его руку:

– Даже не думай. Ты хоть представляешь, сколько времени ушло на эту прическу?

– Черт возьми, ты тратишь гораздо меньше сил на все эти украшения, когда со мной куда-нибудь выходишь. Надо тебя почаще знакомить с моей матерью.

И он снова засмеялся.

– Мне больше не нужно стараться произвести на тебя впечатление, – пояснила я. – Ты у меня по струночке ходишь. А теперь мне надо завоевать еще и твою мать. Если смогу перетянуть ее на свою сторону, обрету возможность править миром. – Я издала зловецкий смешок.

– Я ей сказал, что ты самая обычная женщина. Тебе пора начать вести себя соответственно.

– Ты ей сказал, что я обычная? – взвизгнула я, изображая бурный протест. – Не очень-то интригующе звучит, как потвоему? Ты что, не мог меня описать поинтереснее? – На

лице у него расплылась ухмылка. – Ну, что еще ты обо мне поведал?

Немного подумав, он ответил:

– Что ты веселая, умная и готовишь очень неплохой английский завтрак.

– Адам! – простонала я. – И это все? Я для тебя – всего лишь поставщик сосисок?

Тут мы оба рассмеялись.

– Нет, ну правда, как по-твоему – я ей понравлюсь?

– Она тебя полюбит. Правда. Да и как тебя не любить?

Если он таким окольным путем объявляет, что любит меня, пускай, решила я. Не идеальное признание, но сойдет. Он еще не объяснился по-настоящему, но мы пока провели вместе меньше двух месяцев. Так что я предпочитала видеть его чувства в том, что он для меня делал. Скажем, иногда он в обеденный перерыв заходил ко мне в офис, принося мне сэндвич, чтобы я могла перекусить, никуда не выходя. Или, к примеру, один раз я валялась у себя в квартире с простудой, и он явился и лег рядом со мной на кровать, и я его всего обчихала и обсопливила. Я рассуждала так: ведь все это явно стоит дороже, чем три глупых слова? Всякий может их произнести, на самом деле ничего такого не чувствуя. Поступки говорят о человеке больше, чем слова, вот какая у меня была философия. И я старалась ее придерживаться – разумеется, до тех пор, пока он не промолвит бессмертное «я тебя люблю», и тогда на все его поступки можно будет наплевать с

высокой горки.

Мы выехали на А21, слушая «Легкое радио»: Адам сообщил, что это любимая станция его матери. Мол, это мне поможет войти в нужное настроение. Я бы предпочла на время выкинуть из головы предстоящее знакомство с его родительницей. Мне как-то не очень хотелось сейчас забивать эту самую голову ее излюбленными мелодиями.

– Ну, какая она? – спросила я.

Он задумчиво потер щетину на подбородке.

– Думаю, она как все матери. Любит вить гнездо и всех мирить. Всеми силами старается оберегать своих детей. Всегда на их стороне. Надеюсь, и я тоже всегда ее защищаю и берегу. Не терплю, чтобы при мне о ней плохо отзывались. Она хорошая женщина.

На меня и без того давила необходимость ей понравиться, но его комментарий еще больше усилил это давление. Если же, паче чаяния, она не понравится *мне*... Я уже понимала, что мне придется разбираться с этим в одиночку. И я подумала: и ради меня, и ради нее нужно, чтобы эта встреча прошла успешно. Я должна постараться.

Я обрадовалась, когда из динамиков полилось «Лето» Уилла Смита. Мы помнили все слова и оба подпевали, пока дело не дошло до строчки про запах шашлычного дыма, который навевает ностальгию.

– Никакой не «запах дыма». – Он рассмеялся. – Он поет про «запах дамы»!

– Вот еще глупости, – возразила я. – Какой еще дамы? Почему от этого ностальгия? У них пикник, сосиски шипят на гриле – и тут эти ребята вдруг подмечают, какой ностальгический аромат у дамочки, которая идет мимо?

Он покосился на меня так, словно я спятила.

– Каким должен быть запах шашлыка, чтобы вызывать ностальгию?

– Мне даже не верится, что мы вообще это обсуждаем. Все знают, что там «запах дыма».

– Погуглим, когда к маме приедем.

Мне понравилось, что он сказал просто «к маме», а не «к моей маме». Я ощутила себя более причастной к его семейному кругу.

– Это «Легкое радио» – просто кладезь открытий, – заметила я. – Вот уж не знала, что твоя мать – фанат хип-хопа. Кто бы мог подумать?

Лицо у него изменилось, и в салоне машины словно повеяло холодом.

– Ты говоришь о *моей матери*, – произнес он довольно сердитым тоном. – Тебе не кажется, что это было неуместное замечание?

Я засмеялась, думая, что это он просто мне подыгрывает. Но ведь я уже заметила, как он поджимает губы, как у него напрягаются скулы. Я должна была ощутить, что для него это не шутка.

– О-о, только вот не надо пафоса. – Я хихикнула, глянула

на него, чтобы убедиться – сейчас его лицо дрогнет в улыбке. Но оно оставалось все таким же ледяным.

– Ты проявляешь неуважение.

Я подавила смешок:

– Господи, да я просто...

– Ты просто – что? – резко бросил он.

Включив сигнал, он перешел на полосу медленного движения, и я, с трудом переводя дыхание, мысленно прокрутила в голове эти несколько минут нашего общения. Я так и видела, как на ближайшем же съезде он разворачивает машину. А потом высаживает меня на тротуаре возле квартиры, где я живу. И уносится прочь. Как мы так быстро перешли от невинного перешучивания к вот этому? Почему он вдруг встал на дыбы? Как за такое короткое время все могло повернуться так ужасно неправильно?

Он вцепился в руль обеими руками, и костяшки у него побелели. Я положила руку ему на кисть.

– Прости?... – неуверенно пробормотала я, толком не зная, за что, собственно, извиняюсь.

– Ты хочешь это сделать или нет? – Голос у него смягчился. – Потому что, если ты не готова, можно просто все отменить.

Он так говорил, словно я – какой-то подопытный зверек. Может, так оно и было.

– Прости меня, – сказала я тихо. На самом деле я не хотела, чтобы в моем голосе звучали эти примирительные инто-

нации, но я ничего не могла с собой поделать: если честно, его реакция меня потрясла.

Он переключил радио на «Поцелуй FM», и до конца пути мы больше не разговаривали.

4

– Я всегда давала себе клятвы, что не превращусь в мамашу, которая делает такие вещи, но позвольте мне показать вам хотя бы вот эту.

Адам застонал, глядя, как его мать пролистывает здоровенный фотоальбом, лежащий у нее на коленях. Обложка у альбома была кожаная, темно-бордового цвета.

– И нечего стонать, – укорила она его. – Ты был самый очаровательный ребенок.

Она похлопала по цветастой ткани, обтягивающей диван, и я уселась на него рядом с ней.

– Вот смотрите. – Она показала пальцем. – Это Адам и Джеймс у нас в саду, еще в Рединге. У них разница тринадцать месяцев, но тут их не отличишь друг от друга, правда? Они были такие замечательные дети. Все соседи в один голос твердили, какие у них милые мордашки. И никто никогда не слышал, чтобы они плакали. Они были идеальные.

Я подняла взгляд на Адама. Хмыкнув, он сунул руки в карманы и отошел к книжному шкафу, стоявшему в углу. Наклонив голову набок, он читал надписи на корешках примерно двух десятков альбомов, украшавших собой полки. На каждом переплете был аккуратно отмечен год.

– Прекрасно, когда столько фотографий, – заметила я. – Таких, на которые можно по-настоящему смотреть.

– Как вы правы, милая. Теперь их никто не печатает, ведь так? Снимают их своими новомодными телефонами и, наверное, больше на них не смотрят. И очень жаль. Вот как надо выставлять фотографии. – Она нежно погладила прозрачную пластиковую пленку, которая отделяла ее от изображения четырехлетнего Адама: расплывшись в улыбке, он гордо воздевал вверх какую-то рыбешку. За его спиной улыбался в камеру мужчина.

– Это отец Адама? – робко поинтересовалась я.

Адам уже извинился передо мной за свою вспышку, но я все равно очень волновалась. Я никогда не видела эту сторону его натуры, поэтому теперь невольно задумалась – может, вопрос насчет его отца относится к «неуместным»? Но он не повернулся ко мне. Он стоял не шелохнувшись, чуть ссутулив плечи, словно перед прыжком.

После совсем небольшой паузы его мать ответила:

– Да. – Кажется, она сдерживается, чтобы не зарыдать. – Это мой Джим. Он был такой хороший человек. Настоящий столп нашего общества. Куда бы мы с ним ни пошли, все всегда говорили: «Ага, вот идут Памми и Джим». Мы с ним были идеальной парой.

Грудь у нее начала подниматься от чувств, и она быстро извлекла платок из рукава кардигана.

– Прошу прощения, милая. – Она высморкалась. – Прошло столько лет, но я до сих пор так это переживаю. Очень глупо, я знаю. Но тут уж ничего не поделаешь.

Я сжала ее руку в знак сочувствия:

– Нет-нет, что вы, совсем не глупо. Вам наверняка ужасно тяжело из-за этого. Даже представить себе не могу. И ведь ваш муж был совсем молодой?

– Ладно, ладно, мама, все в порядке, – негромко произнес Адам, подходя и опускаясь перед ней на колени. Она тут же выпустила мою руку и окружила его лицо своими ладонями, поглаживая пальцами его двухнедельную бороду. По щекам у нее текли слезы, и он осторожно вытирал их. – Ничего страшного, мама. Все в порядке.

– Я знаю, я знаю, – проговорила она, выпрямляясь, словно это могло придать ей сил. – Не понимаю, почему на меня до сих пор это находит.

– Я уверена, это совершенно нормально, – заметила я, снимая свою руку с ее колена (с того места, на которое она ее уронила).

Убирая выбившуюся прядь за ухо, я смотрела на Памми, и меня захлестывало чувство вины. Перед этим я три дня, можно сказать, только и делала, что планировала это мероприятие: что я надену, какой я хочу предстать, как я должна себя вести, что мне следует говорить. Жуткий эгоизм. Как бы эта женщина ни следила за собой, ей не спрятать долгих лет страданий и горя, которые в буквальном смысле согнули ее плечи под своей тяжестью. Ее боль никогда не удалось бы замаскировать с помощью этой короткой прически в стиле «перья» с модными полосками седины, распределенными с

такой равномерностью, которой можно добиться только в хорошей парикмахерской. Кожа у нее отличалась фарфоровой гладкостью, но вокруг печальных ввалившихся глаз образовались глубокие морщины, я отчетливо видела их, когда она смотрела на меня, кусая нижнюю губу. На ее лице по-прежнему, спустя столько лет, читались потрясение и скорбь: любимый муж ушел из мира вскоре после того, как они с ним стали родителями. Эта пара открывала новую увлекательную главу своей жизни. Но вдруг жена овдовела, и ей пришлось как-то перебиваться с двумя детьми. Теперь мне казались жалкими и банальными заботы о том, как я выгляжу, что мне надеть. И резкие слова Адама больше не представлялись мне чем-то очень уж значимым. Мне открылась куда более обширная картина. И я чувствовала: если я хочу в нее вписаться, мне нужно вести себя разумно и постоянно напоминать себе о том, что важно, а что – нет.

– Вероятно, мы должны благодарить эту очаровательную девушку за новое добавление к твоей внешности? – Она слегка улыбнулась, продолжая ерошить бородку Адама.

Я вскинула руки, изображая раскаяние:

– Готова признать свою вину. Мне она так нравится. По моему, очень ему идет.

– О, еще как идет, – проворковала она. – Ты с ней еще красивее. – Она притянула его к себе и положила голову ему на плечо. – Мой красивый мальчик. Ты всегда будешь моим красивым мальчиком.

Адам неловко высвободился и глянул на меня. Я заметила, что он слегка покраснел.

– Как насчет обеда? – проговорил он. – Мы тебе можем чем-то помочь?

Всхлипы Памми стали затихать. Она потянула за рукава своего кардигана, огладила клетчатую шерстяную юбку.

– Нет-нет. – Она помахала пальцем, подчеркивая это отрицание. – Все готово, я еще утром все сделала. Может быть, Адам, ты мне поможешь принести с кухни?..

Я начала вставать с дивана, но Памми настояла:

– Нет-нет, побудьте здесь.

Она аккуратно положила альбом рядом со мной, на одну из подушек, и ушла вслед за Адамом в боковую комнату, произнеся: «Одну минуту».

Я не хотела смотреть альбом без Памми или Адама (это казалось мне вторжением в личную жизнь), но я позволила себе покоситься на раскрытую страницу, раз уж она сама собой оказалась рядом. Справа вверху размещалось фото Адама, крепко обнимавшего какую-то женщину, чуть касаясь губами ее щеки. Сердце у меня екнуло, и я взяла альбом в руки, чтобы получше всмотреться. Похоже, снимок был сделан тайком – что называется, скрытой камерой. Пара так и лучилась счастьем. Никакого позирования, ничего постановочного: случайный момент, удачно запечатленный на пленку, и снимаемые понятия не имеют о том, что за ними подсматривает объектив. Я боролась с теснотой в груди, с неви-

димыми тисками, грозившими сжать мне горло.

Я знала, что у него и до меня были подружки (кто б сомневался, что они у него были), но сейчас в мою душу все равно стали закрадываться сомнения – и чувство неуверенности. Он казался мне таким непринужденным, таким довольным, таким цельным. Я думала, со мной он счастлив. Но на этом снимке я увидела другое выражение. Раньше я никогда такого у него не замечала. Волосы у него здесь были длиннее, а лицо полнее, но главное – он казался совершенно беззаботным. Он словно бы улыбался самой жизни. И девушка тоже выглядела легкомысленно-расслабленной. Мягкие каштановые кудри обрамляли ее лицо, и глаза у нее смеялись, и крепкие руки Адама надежно обхватывали ее.

Тут я поймала себя на мысли: интересно, как мы с ним будем выглядеть на таком же фото? Будут ли наши лица выражать такую же самозабвенность, такую же беспечность? Будут ли наши чувства друг к другу ясны всем, кто взглянет на снимок?

Я тут же отругала себя за то, что позволила сомнениям и мелочной ревности проникнуть в свое сознание. Если Адам и эта женщина были так счастливы вместе, они бы не расстались, верно? Они бы по-прежнему оставались рядом. И наши с Адамом пути, вероятно, никогда бы не пересеклись.

– Такова жизнь, – произнес Адам, когда я, недели через три после начала наших отношений, спросила, почему он порвал со своей последней пассией. – Иногда происходят ка-

кие-то вещи, но ты их не можешь понять. Пытаешься найти какое-то рациональное объяснение, какую-то причину, но ответ не всегда существует. Такова жизнь, вот и все.

– Ты так говоришь, как будто не хотел это прекращать, – заметила я. – Это она сама решила? Она тебе изменяла?

– Ничего подобного не было. Давай не будем об этом. Тогда было это, а сейчас – вот это.

И он обнял меня, словно втягивая в себя. Он прижимал меня к себе так, словно ни за что на свете, никогда не хотел отпускать. Вдыхал запах моих волос, целовал меня в макушку. Я посмотрела ему в лицо, упиваясь его чертами. Карие глаза, испещренные зелеными крапинками, поблескивали под фонарями Боро-Хай-стрит. Мощная нижняя челюсть, которую я однажды назвала точеной, на что он со смехом ответил: «Как будто меня выточили на каком-то станке». Обхватив мое лицо ладонями, он поцеловал меня, сначала слегка, а потом сильнее и глубже, словно это могло защитить нас навеки – от расставания, от того, чтобы нас что-нибудь разлучило.

В ту ночь у нас получилась совсем другая любовь. Он держал меня за руку, пока мы поднимались по лестнице к его квартире в доме у рыночной площади. Обычно мы, едва миновав коридор, успевали лишиться как минимум двух предметов одежды, но в эту ночь мы терпеливо дошли до его спальни. Только там он стал меня медленно раздевать. Я протянула руку, чтобы выключить лампу на прикроватном

столике, потому что у меня есть некоторые части, которые я не стремлюсь никому демонстрировать, но он поймал меня за кисть:

– Не надо. Пусть светит, я хочу тебя видеть.

Но я не опустила руку. Во мне боролись неуверенность и желание сделать так, как он просит.

– Ты совершенно прекрасна, – прошептал он, проводя большим пальцем по моим губам. Он целовал меня в шею, и его пальцы скользили вниз по моей голой спине, и эти легчайшие, как перышко, прикосновения вызывали дрожь и трепет во всем моем теле. Пока мы занимались любовью, он не отрывал взгляда от моих глаз. Его взгляд впивался в меня, словно выискивая что-то потаенное. Впервые он дал мне то, чего никогда не давал раньше. Я не могла объяснить, что это такое, но я ощущала глубинную связь с ним. Безмолвное обещание: у нас все по-настоящему.

И вот теперь я снова изучала это фото и гадала: может, от этой женщины он и пытался отделаться в ту ночь? Может, так он отбрасывал кандалы, которые приковывали его к ней? Может, именно тогда он решил разорвать все узы?

Тут Памми с Адамом вернулись в гостиную. Адам нагнулся, чтобы пройти под низкой притолокой двери.

– Прошу, – объявила Памми, ставя поднос на стол перед окном. – Надо вам хоть немного откормиться.

Вставая, я закрыла альбом, но успела прочесть надпись под снимком: «Дорогая Ребекка – мне каждый день тебя не

хватает».

5

– Ты чего, шутишь, на хрен? – возмущенно воскликнула Пиппа, запихивая в рот кусок пиццы.

Я покачала головой.

– И ты уверена, что они прямо вот были парой? В смысле – настоящей? А не просто близкими друзьями? Может, у них вообще была одна большая компания.

Я снова покачала головой:

– Не думаю. Мне показалось – они увлечены только друг другом. Ну, как парень и его девушка.

Пиппа перестала жевать. На ее левый глаз свесился клочок розоватой челки.

– Может, она и не умерла.

– Наверняка умерла, – возразила я. – Иначе зачем это – «мне каждый день тебя не хватает»? Так никогда не напишешь о том, кто преспокойно живет где-нибудь рядом, в полумиле от твоего дома.

– Может, его мать... Памми, ее ведь так зовут?

Я кивнула.

– Может, ей, то есть Памми, она просто очень понравилась. И когда они разбежались, она расстроилась. И ей стало очень ее не хватать.

Похоже, она сама понимала, что цепляется за соломинку.

Я только пожала плечами. Если уж честно, какая-то ча-

стичка меня эгоистично надеялась, что этой женщины *действительно* уже нет на свете: куда хуже, если она жива, но Памми «не хватает» ее до такой степени, что она считает нужным написать это под фотографией в альбоме. Мне было бы очень трудно достичь такого же статуса в ее глазах.

– Почему ты не спросила у Адама, когда вы ехали обратно? – поинтересовалась Пиппа.

– Не хотела раскачивать лодку, – ответила я. – По пути туда у нас с ним вышел странный разговор. И он явно старается всячески защищать свою матушку, так что мне приходилось действовать очень осторожно.

– Но ты же не о его матушке, а о том, что у него, возможно, была девушка, которая теперь уже умерла. А это не шуточки, Эм. И если бы так было на самом деле, то это бы наверняка уже давно всплыло в каком-то вашем разговоре... тебе не кажется?

Последние три слова она добавила совсем другим тоном, словно чтобы смягчить удар, нанесенный этой фразой.

Я не знала, что и думать. Всякий раз, когда я пыталась ответить на этот вопрос, мне приходилось напоминать себе, что мы с ним вместе всего два месяца с небольшим. Казалось, прошло больше времени, потому что все было так интенсивно и насыщено. Но как вообще можно предполагать, что ты сумеешь за каких-то девять недель рассказать кому-то о десятилетиях своей жизни? Конечно же, мы затрагивали тему бывших, но все равно многого касались лишь слегка:

похоже, нам обоим не хотелось слишком быстро вдаваться во все эти подробности. Обсуждая наше прошлое, мы оба старались держаться легковесного тона. Мертвая подружка не очень-то вписывалась в наши разговоры. То же самое касалось и Тома, моего бывшего. Но я с радостью поведала Адаму о небольшой провинности со стороны Грэма или Гарри – моего партнера по единственной одноразовой связи в моей жизни.

– Я потрясен! – расхохотался Адам. Мы с ним сидели в *TGI Friday's* в Ковент-Гардене, деля на двоих одно сливочно-фруктово-ореховое мороженое «Кремнистый путь». Это было недели две назад. – Ты занималась с ним сексом и даже не знала, как его зовут?

– Можно подумать, с тобой такого никогда не случилось, – заметила я с укором.

– Я готов сознаться, что у меня была в жизни одноразовая девушка. Но я, разумеется, предварительно спросил, как ее зовут, и до сих пор помню ее имя.

– Ну давай, святоша, как же ее звали?

Он чуть-чуть подумал.

– София, – гордо объявил он.

Я фыркнула при виде такого самодовольства.

– А потом были Луиза, Изабель, Натали, Фиби...

Я добыла с помощью соломинки мини-зефирину и кинула в него.

– И что же ты собираешься делать? – спросила Пиппа, воз-

вращая меня в настоящее. – Ты чувствуешь, что тебе нужно это узнать? Или ну ее?

– Мне он очень нравится, Пип. И потом, у нас с ним все так хорошо идет. Я никогда ничего такого не чувствовала, и я не хочу рисковать: вдруг я что-то сделаю не так и все испорчу? Это просто пятнышко на экране радара. Я уверена, оно рано или поздно пропадет.

Соглашаясь со мной, она кивнула. И потом протянула руку, чтобы коснуться моей и тем самым словно бы придать мне побольше уверенности.

– Ну, а его мамаша какая оказалась? – спросила она. – Как по-твоему, ты ей понравилась?

– О, она оказалась милейшая женщина. Очень старалась, чтобы я чувствовала себя как дома. У меня была жуткая мысль, что я просто очередная девица в длинной-длинной цепочке подружек, которых он привозит ей представить. Особенно эта мысль укрепилась после нашего инцидента в машине. Но когда мы уже уезжали, она отвела меня в сторону и сказала: «Он очень давно не привозил сюда своих девушек».

– Получается, что тут у нас огромный плюс, – буднично заметила Пиппа, явно стараясь, чтобы я перестала терзаться думами о его бывшей. – Его мать тебя обожает. А ведь говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через его мамашу.

– Мне казалось – через его желудок? – Я рассмеялась.

– И через него тоже. Хотя всем нам известно, что на са-

мом-то деле – через его член.

Я поперхнулась вином, а она свалилась с дивана.

С Пиппой не соскучишься. Мы познакомились в обувном магазине, где обе тогда работали, и меня сразу же привлекла ее способность показать жизни «козу», когда дела складываются не слишком блестяще. Нашей тамошней начальнице, Айлин, не очень-то нравился Пиппин темперамент, и было ясно, что рано или поздно все придет к драматической развязке.

Однажды она услышала, как Пиппа говорит покупательнице:

– Боюсь, у меня нет таких сапог сорокового размера, зато есть балетки тридцать четвертого, не желаете?

От беззвучного хохота у меня потекли слезы, и мне пришлось извиниться перед собственной покупательницей и удрать в подсобку. Туда вскоре прибежала и Пиппа. А за ней тут же явилась Айлин.

– При работе с клиентами необходимо поддерживать определенный уровень профессионализма, – заявила она, грозя нам пальцем. – Вы обе сегодня пересекли эту линию. Мне придется обсудить ваше поведение с руководством.

– Давай-давай, Айлин, – пропела Пиппа. – Я тут совсем один...

У меня перехватило дыхание, я почувствовала, что краснею и что мочевой пузырь у меня вот-вот лопнет. Айлин (у которой, так уж случилось, были темные кудри) воззрилась

на нее:

– Если ты думаешь, что это смешно...

– Вам никогда не хотелось примерить джинсовый комбинезон? – вежливенько осведомилась Пиппа и вышла⁴. Я сумела протянуть там еще неделю, а потом последовала за ней. Впрочем, я благоразумно и заблаговременно уведомила начальство о своем уходе. Я бы и рада была обладать Пиппиным нахальством, но мне недоставало ни ее храбрости, ни ее строптивости. Почему-то я полагала, что для следующего места работы мне понадобится рекомендация с предыдущего. Но Пиппе было на это начхать. И, надо отдать ей должное, она оказалась права. Она немедленно получала работу во всех барах, где только хотела. И при этом училась в Открытом университете по специальности «здравоохранение».

Мы были очень разные – и при этом такие похожие. Я не могла себе представить ничего ужаснее необходимости ходить на работу по вечерам, и никакие попытки не заставили бы меня вернуться на студенческую скамью. Однако в результате получилось, что у нас с ней полная гармония. Я работала весь день (с понедельника по субботу, среда – выходной). Пиппа каждый вечер вкалывала в «Универсальном баре» в Ковент-Гардене, а днем училась. Так что мы никогда не путались друг у друга под ногами, и нам всегда очень прият-

⁴ Джинсовый комбинезон носит героиня музыкального клипа *Come on Eileen* («Давай-давай, Айлин») английской группы *Dexys Midnight Runners*. Песня пользовалась большой популярностью в 1980-х гг. Впрочем, черные кудри у героини только в детстве: в дальнейшем она их осветляет.

но было посидеть вместе в воскресенье и обсудить, что нам принесла очередная неделя. Советы и утешения неизменно требовались не ей, а мне. Казалось, Пиппе все как с гуся вода. Казалось, большинство превратностей судьбы ее совершенно не трогают. Она была гораздо более легкомысленной и непринужденной, чем я. Она преспокойно избавлялась от одних парней и заводила новых. И она не собиралась покоряться правилам, установленным общественными элитами. Мне бы не помешала хоть какая-то доля ее беспечности. Я бы с радостью отказалась от этого груза – потребности вечно разбирать по косточкам каждую жизненную ситуацию. Такая потребность калечит душу. Но в тех редких случаях, когда я решала на время забыть обо всякой осторожности, меня неизменно ждал полный крах. Видимо, во всей этой пресловутой непринужденности имелись и свои минусы, о которых как-то не принято говорить. Именно желание больше походить на Пиппу некогда заставило меня вести себя столь несвойственным мне образом с этим Грантом или Греггом в тот день, когда мы отмечали совершеннолетие Бет.

– Почему ты меня не остановила? – простонала я на другой день, когда мы лежали на моей кровати, смотрели какой-то сериал на *Netflix* и вспоминали, как он меня поднял, как я обхватила его ногами за пояс и как он вынес меня из комнаты. – Все же было так очевидно. Всем напоказ.

– В этом и прелесть, – отозвалась она. – Ты в кои-то веки решила ни о чем не переживать. Просто сделать что хочется.

И наплевать на всех прочих.

В том-то и беда, подумала я.

– Никогда больше ни с кем никуда не пойду, – застонала я, пряча лицо в ладони. В тот момент я давала это обещание совершенно искренне.

6

Несмотря на все мои старания, я никак не могла выкинуть из головы навязчивые мысли о Ребекке. Мне хотелось знать, кто она и что между ними было. Но я опасалась открывать этот ящик Пандоры. Я была не до конца уверена, что мне хочется поднимать его крышку. Адам тоже, кажется, был как-то не в себе все две недели, которые прошли с нашего визита к его матушке. Так что я обнаружила, что стараюсь обходить загадку надписи про «мне каждый день тебя не хватает» и всего, что с ней связано. Я надеялась, что когда-нибудь мы случайно натолкнемся на что-то такое, что позволит нам об этом поговорить.

Первый шанс мне выпал, когда мы с Адамом наряжали елку у меня в квартире. Он беспокоился, что отбивает хлеб у Пиппы, но у нее не хватало терпения на такой нудный и кропотливый труд. Перед этим я три года подряд украшала елку сама. Обычно она беспечно наблюдала за мной в сидячем положении, время от времени подбрасывая вверх мальтийские шоколадные драже и затем ловя их ртом. Впрочем, она всегда была мне благодарна за мои труды и вознаграждала меня бутылкой ликера «Адвокат». У нас даже выработалось что-то вроде традиции, хотя почему она так поступала, толком не знали ни я, ни она.

– Почему мы не пьем эту штуку круглый год? – поинтере-

совалась я у нее на прошлое Рождество. – Должна быть какая-то веская причина.

Мы приняли уже по три «снежка»⁵. Теперь мы уже больше не заморачивались с вишенками для коктейлей.

– Я понимаю, – отозвалась она. – Но ты представь, как эта штука стоит на своей рождественской полке в супермаркете. Вечно полная надежд и оптимизма. И умоляет покупателей, которые проходят мимо: «Ну купи меня, я же тут ненадолго. Сам же знаешь, будешь жалеть, что не купил».

Я засмеялась и подхватила:

– «Что, если в праздники к тебе кто-нибудь заявится в гости и попросит сделать эгног? Как ты без меня обойдешься?»

В общем, у нас сложилась освященная временем традиция, хотя пока к нам так и не пришел гость, который потребовал бы подать ему «Адвокат» с лимонадом или что-нибудь в этом роде. Я с таким ни разу в жизни не встречалась. Даже в детстве, когда соседи заглядывали к моим родителям. Короче говоря, за свои почти тридцать лет – никогда. Вообще.

И тем не менее именно «Адвокат» с лимонадом лучше всего справлялся с тем, чтобы привести меня в рождественское настроение. Так что я извлекла его из глубин буфета и встряхнула загустевшее желтое содержимое бутылки.

– Не соблазнишься? – спросила я у Адама. Точнее, у его пятой точки: все остальное таилось под деревом, где он во-зился с удлинителем.

⁵ «Снежок» – коктейль из ликера «Адвокат» и лимонада.

– Я так полагаю, это прошлогоднее предложение? – Он частично вылез из-под веток и посмотрел вверх.

Я с покаянным видом кивнула и добавила:

– Но с ним никогда ничего не делается.

– Спасибо, мне ничего не нужно. – Он скорчил рожу. – Ну, что скажешь?

Мы отошли подальше, любуясь на плоды нашего мастерства.

– А теперь посмотрим – может, нам стоило сначала проверить гирлянду, а потом уж вешать, – произнес он.

Впервые за долгие годы случилось чудо – все лампочки зажглись сразу же. Мы облегченно повалились на диван, гордясь собой.

Поджав под себя ногу, я повернулась к нему. Он улыбнулся до ушей – а ведь последнюю пару недель все время выглядел таким серьезным. «Все у меня отлично», – отмахивался он всякий раз, когда я спрашивала, почему он такой тихий.

– Как у тебя на работе? – спросила я, наблюдая, как сомнительного вида смесь застывает у меня в стакане.

– Получше. – Он вздохнул. – На этой неделе наконец-то смог высунуть голову из воды.

Значит, это насчет работы он так волновался. Все «а что, если...», которые жужжали у меня в голове, мигом заткнулись. А что, если он больше не хочет со мной быть? А что, если он встретил кого-нибудь еще? А что, если он пытается найти способ сообщить мне об этом? Я медленно выдохнула.

Я была довольна: значит, дело в его работе. Ничего, с этим мы справимся.

– Почему так? Что тебя держало под водой? – осведомилась я.

Он надул щеки, выпустил воздух.

– Проект, которым я занимаюсь, как-то очень разросся, никто из нас такого не ожидал. Я думал, что заткнул все дыры и мне все-таки удастся его контролировать. Но тут мы столкнулись с одной проблемой.

– С какой? – Я наморщила лоб.

– Просто глюк в программе. Мне такие вполне по зубам. Но чтобы все наладить, требовалось гораздо больше времени, чем нам отводили.

– А что же изменилось?

– Начальство наконец образумилось и привлекло еще одного специалиста. Слава богу, все пошло совсем по-другому.

– Супер, – отозвалась я. – И как ты, нормально с ним уживаешься?

– С ней. На самом деле это женщина. – И после очень короткой паузы он добавил: – Ну да, на самом деле она вполне.

Два «на самом деле» подряд? Обычно он был такой красноречивый. Я усилием воли заставила себя не изменять очертания улыбки, не дрогнуть ни одной мышцей, растягивавшей мои губы.

– Вот и славно. – Я старалась говорить как можно непринужденнее. – А как ее зовут?

– Ребекка, – ответил он будничным тоном.

Мне хотелось, чтобы он еще что-нибудь добавил, но что тут добавлять? И все равно мне почему-то показалось, что сама лаконичность его ответа очень многозначительна. Словно он о чем-то умалчивает.

– Забавно. – Я не знала, что еще сказать.

– Что забавно? – осторожно спросил он, как будто уже предчувствовал, что я вот-вот произнесу, хотя даже я сама представляла это себе лишь смутно.

– Что ее зовут Ребекка.

Он повернулся ко мне.

– Я так понимаю, это не *твоя* Ребекка? – При этом я издала короткий смешок, словно чтобы сделать этот вопрос не таким тяжелым.

Несколько секунд он глядел на меня, сдвинув брови. Потом медленно покачал головой и отвел глаза.

Я не знала, о ком мне хочется узнать больше – об этой Ребекке с работы или о «его» Ребекке. Трудно было определить, где кроется больше проблем.

– Но это было бы странно, правда? – не унималась я. – Представь – является к тебе на работу твоя бывшая. Что ты почувствуешь?

Он потер глаза. Задействуя только два пальца на каждой руке – большой и указательный.

– Это вряд ли произойдет.

– Ну ладно, а какая она, эта нынешняя Ребекка? – Я реши-

ла сначала разобраться с непосредственной угрозой. – Видимо, она тебе очень помогает.

– Да, она отличный спец. Похоже, знает свое дело, так что я могу не трудиться проговаривать с ней все детали. Судя по всему, она уже довольно давно работает в нашей компании. Понятия не имею, где они ее прятали до сих пор.

Означало ли это, что он бы ее непременно заметил, если бы ее не прятали? Я совершенно не хотела знать, какой она там спец. Я хотела узнать только ее главные биологические параметры. Например, цвет волос. Но я понимала, что, если вопросы, которые скажут у меня в голове, вырвутся наружу, всякому покажется, что я – из тех девушек, которые патологически помешаны на своем парне и во всех существах женского пола видят опасность. Но разве я была не такая? Разве Том не превратил меня в такую? Я ничего не могла с собой поделать. И спросила:

– Значит, она секс-бомба?

Он сморщил лоб, словно придумывал наиболее дипломатичный ответ. Если бы он слишком поспешно ответил «нет», я бы знала, что он врет. А ответить «да» в такой ситуации мог бы только полный псих. Мы оба понимали, что ему не выиграть.

– Думаю, она ничего.

Вот все, что он сумел из себя выдавить. Что ж, это был оптимальный вариант – с учетом всех остальных.

– А твоя бывшая, та, которая тоже Ребекка, работает в

Сити? – спросила я.

Он сел прямее.

– Нет, – ответил он неохотно.

И что – это все?

– То есть она не в твоей сфере? Вы не через работу познакомились?

– Мне казалось, я не упоминал о Ребекке, – процедил он.

Меня стала заливать волна жара, начиная с кончиков пальцев на ногах: я далеко не сразу сообразила, что он действительно о ней не говорил. А я-то считала, что его уклончивое «давай не будем об этом» как-то связано с той фотографией, где он снят вместе с женщиной. Я предположила, что ее зовут Ребекка. И чего только себе не напридумывала. Мне хотелось затолкать в себя обратно все эти глупые слова, показывающие, как же я не уверена в себе.

– Что это ты вообще? – спросил он, поворачиваясь ко мне. Лицо у него было серьезное.

Я придвинулась к нему, положила на себя его руку, повалилась головой ему на колени. Отвлекающий маневр – чтобы мои щеки успели остыть.

– Думаю, я просто чувствую, что в твоей жизни есть большие куски, о которых я еще не знаю, – призналась я. – А я хочу о ней все знать. Все, что можно узнать.

И я со смешком взяла его кисть, лежавшую у меня на животе, и поднесла ее к губам.

Сердце у меня колотилось. Я ждала его реакции. Может,

я проявила чрезмерную настырность? Вот он сейчас встанет и уйдет – что тогда?

Мне казалось, что каждая секунда – длиной в час. Я лежала щекой на его ноге и чувствовала, как под его кожей бьется пульс. И пыталась предсказать, как же он поступит.

– Что ты хочешь узнать? – спросил он наконец.

Я выдохнула. Оказывается, все эти долгие секунды я не дышала. Ждала его ответа затаив дыхание.

– Все!

Он рассмеялся:

– Видимо, под этим ты подразумеваешь любовную сторону моей жизни. Девушек ведь всегда по-настоящему интересует только это, когда они задают такие вопросы?

Я вжала голову в плечи и сморщила нос:

– Меня так легко раскусить, да?

Он посмотрел на меня сверху вниз, и я видела, как в глазах у него отражаются волшебные елочные огни. Он улыбнулся, и внутри у меня все задрожало от волнения.

– Ну ладно, только чур ты первая... – произнес он. – Самое необычное место, где ты занималась любовью?

Я чуть не задохнулась. Мне пришлось сесть.

– Это легко. У меня была одноразовая история на крикетной площадке. Но ты об этом уже знаешь.

– Расскажи еще раз. И поме-е-е-едленнее.

Я запустила ему в голову диванную подушку, но он перехватил ее в полете.

– Тогда другой вопрос. Ты когда-нибудь была влюблена?

– Не твоя очередь, – заметила я.

Склонив голову набок, он задрал брови:

– Да или нет?

Вдруг оказалось, что этот момент отягощен каким-то странным ожиданием. Удивительно: о самом что ни на есть реальном половом акте, даже с каким-то неназванным незнакомцем, мы можем рассказывать очень весело и жизнерадостно. А вот о невидимом чувстве, которое именуется любовью, мы всегда говорим с таким напряжением.

– Один раз, – ответила я, стремясь, чтобы голос мой звучал спокойно и ровно.

– В кого?

– Его звали Том. Мы с ним на работе познакомились, когда у меня был магазинный период.

Он вопросительно глянул на меня.

– Ну, ты же знаешь. Между парикмахерской фазой и стадией дизайна интерьеров.

Я была уверена, что когда-то уже вкратце сообщала ему о своей пестрой трудовой биографии.

– Ах да. – Он вздохнул. – Эпоха Просвещения.

Я улыбкой поблагодарила его за то, что он немного разрядил обстановку.

– И что же случилось? – спросил он.

Я откашлялась и ответила:

– Мы познакомились, когда мне было двадцать. Три года

встречались. И я уже начинала подумывать, что у нас есть общее будущее.

– Но?

– Но, несмотря на то, какие чувства я к нему испытывала и какие он, по его словам, испытывал ко мне, он при этом ухитрялся спать еще и с другой.

– О-о, – протянул он. – А как ты узнала?

– Это была моя очень близкая подруга. Дражайшая Шарлотта. Она решила, что ее любовь к нему сильнее, чем ее дружеские чувства ко мне.

– Господи помилуй. Видимо, теперь вы с ней больше не друзья.

Я усмехнулась:

– Нет, мы больше не друзья, прямо даже удивительно. Я с ней после этого не разговаривала. И не намерена разговаривать с ней в будущем.

– Получается, это и был твой последний... перед тем, как мы с тобой встретились? – спросил он.

– Слушай, ты уже мне задал пятьсот вопросов, а я пока ни одного, так нечестно, – засмеялась я. – Он был мой единственный серьезный. С тех пор прошло три года, у меня были всякие истории, ничего особенного. А потом я встретила тебя.

Он улыбнулся.

– А теперь моя очередь, ну правда, – заявила я.

Откинувшись на спинку дивана, он уставился прямо пе-

ред собой, избегая моего взгляда.

– Как насчет тебя? Ты когда-нибудь был влюблен?

Не отвечая, он стал ковырять носком ноги край темно-синего коврика, который лежал под журнальным столиком. Я не хотела выбивать из него признания. Может, он еще переживает из-за этого.

– Ну, не важно, – прошебетала я, хотя настроение у меня совсем не соответствовало этому веселому щебету. – Если тебе...

– Да, – тихо произнес он.

Я решила попытать счастья:

– В Ребекку?

Он кивнул:

– Я думал, что проведу с ней всю оставшуюся жизнь. Оказалось – не судьба.

После такого ответа мне подумалось: лучше бы я никогда не спрашивала.

– Ладно, хватит обо всем этом, – заявил он. Казалось, он встряхнулся и заставил себя вырваться из того места, где блуждали его мысли. – Я хотел у тебя спросить, как насчет того, чтобы провести вместе некоторое время в рождественские дни. Если трудно, я понимаю... ну, если тебе... я просто думал...

Дотянувшись до него, я прижала палец к его губам. Улыбаясь, он проговорил:

– Значит, ответ – да?

Он привлек меня к себе, поцеловал.

– Придешь на рождественский обед? – с воодушевлением спросил он.

Я сморщила нос:

– В само Рождество не могу.

Он так и поник, а я добавила:

– Я поеду к родителям. Но ты тоже можешь приехать. Они будут только рады с тобой познакомиться.

– Ты же знаешь, я не могу, – грустно ответил он. – Мама одна – Джеймс в этот день обедает со своей подружкой Хлоей, так что ей нужно, чтобы я был с ней. Для нее это всегда тяжелые дни.

Я кивнула. Он уже рассказывал мне, что его отец умер за два дня до Рождества.

– Тогда приезжай на День подарков⁶, – предложил он.

– Но ко мне как раз собираются брат с женой, мы планировали легкий обед. И они привезут свою малышку.

Впрочем, я уже понимала, что мне легче будет приехать к нему, чем ему – ко мне. У отца была мать, у матери – отец, у них обоих – Стюарт, Лора и ребенок. А к Памми разве что соседка заглянет.

– Наверное, я могла бы приехать под вечер... – неуверенно произнесла я.

– И переночевать. Как тебе? А на другой день покатаемся,

⁶ В Англии – следующий день после Рождества, когда слугам, почтальонам, молочникам и т. п. принято было делать небольшие подарки.

выберем приятный паб или еще что-нибудь.

Казалось, мы словно дети, которые с чрезмерным воодушевлением строят планы на праздники.

Назавтра я позвонила Памми, чтобы убедиться, что она не возражает против моего визита. Мне казалось, что этого требует вежливость.

– Вот так неожиданность, – сказала она, тем самым вынудив меня оправдываться.

– Памми, простите меня, пожалуйста. Я думала, Адам с вами уже говорил. Он сказал, что утром вам сразу же позвонит.

– Нет, милая, он не звонил, – ответила она. – Впрочем, не важно. Буду очень рада вас видеть. Вы у нас останетесь?

– Да, – ответила я. – Хотя, скорее всего, я приеду только под вечер.

– Значит, вы захотите выпить с нами чаю? – осведомилась она.

– Моя мама готовит к обеду индейку, так что если вечером что-нибудь совсем легкое... это будет замечательно. – Я не хотела выглядеть грубой или неблагодарной.

– Но мы не станем вас дожидаться, чтобы...

– Господи, да нет, конечно. Вы все делайте как обычно, а я к вам присоединюсь, как только смогу.

– Потому что Адам всегда быстро успевает проголодаться, он к этому времени уже будет умирать от истощения, – добавила она.

– Ну да, конечно, я понимаю. Садитесь за стол и все такое, а я с вами и с ним потом просто попью чаю.

– Значит, мы будем есть все вместе? – Кажалось, она меня не слышит.

– Великолепно, – отозвалась я, хотя уже не совсем понимала, на что я, собственно, соглашаюсь.

Тогда казалось, что это отличная идея. Но когда я очутилась у мамы с папой, то подумала, что с радостью осталась бы у них. Там было тепло и уютно – и все напоминало мне о давних Рождествах. К примеру, когда я, восторженная семилетка, посреди ночи трясла младшего брата за плечо, чтобы он проснулся, и потом мы крались вниз по лестнице в ужасе оттого, что можем увидеть Санта-Клауса, – но при этом нам не хотелось его пропустить.

– Он поймет, что мы не спим, – шептал Стюарт. – А тем, кто не спит, он не оставляет подарков.

– Ш-ш, – отвечала я. Сердце у меня билось где-то в горле. – Прикрой глаза рукой, подглядывай через щелочку между пальцами.

Мы спускались на ощупь, ориентируясь по перилам, и пробирались к елке, которая стояла в углу главной гостиной. Проходили мимо камина, на котором заранее оставили стакан молока и сладкий пирожок. Подсматривая сквозь пальцы, я видела в лунном свете, озарявшем комнату, что на тарелке остался только кусок пирожка. Я громко ахала.

– Что такое? Он приходил? – нетерпеливо вскрикивал Стюарт.

Я различала очертания завернутых подарков под елкой, и сердце у меня прыгало от радости.

– Приходил, – сообщала я, с трудом сдерживая возбуждение. – Он приходил.

С тех пор прошло лет двадцать, и в этом смысле мало что переменялось. Хотя уже День подарков, мы по-прежнему относимся к нему так, словно это день самого Рождества. По-прежнему собираемся вокруг все той же елки. «Если не сломано – незачем чинить», – твердит папа уже десяток лет, хотя не помешало бы помочь одной-двум хиреющим веткам. Мама по-прежнему настаивает, что подарки под елкой не имеют к ней никакого отношения, а мы со Стюартом перелгядываемся, словно заставляя себя в это поверить.

– Ну, как продвигается твое новое романтическое увлечение? – поинтересовалась моя невестка Лора, ненадолго оторвавшись от знаменитой маминой жареной картошки.

Я просто кивнула: рот у меня был набит хрустящим йоркширским пудингом. И потом ответила, улыбаясь:

– Хорошо продвигается.

– Вижу, вижу характерный блеск глаз, – заметил папа. – Я ведь тебе говорил, Валери? Я сказал твоей матери пару недель назад, что у тебя опять появился в глазах этот блеск.

– *Опять?* – переспросила я.

– Я ведь говорил, Вэл? – воззвал он в сторону кухни, где мама наполняла уже второй соусник. – Я же тебе говорил, что у нее опять тот же блеск в глазах?

– Да что значит «опять»? – засмеялась я. Мы со Стюартом сделали друг другу большие глаза. Рождество – не Рож-

дество, если папа не переусердствует по части хереса.

– Он хочет сказать – впервые со времен Тома, – проворчала мама, врываясь в столовую все в том же неизменном фартуке. Мне, наверное, никогда не понять, почему она его надевает только на Рождество, хотя готовит почти каждый день. – Честное слово, Джеральд, деликатности у тебя, как у...

Я выжидательно посмотрела на нее.

– Ну же, ма, – потребовал Стюарт. – Деликатности, как у?..

– Деликатности, как у... – повторила она. Никто не знал, куда она собирается вырлиться с этой своей фразой.

Я фыркнула.

– У нас тут одновременно идут три разных разговора, – простионала мама, изображая протест. Она прекрасно умеет делать вид, что для нее все это чересчур, но я точно знаю, что больше всего на свете она обожает, когда вокруг нее – вся семья. А теперь она особенно довольна, потому что появилась маленькая Софи.

– Так чьи там глаза блестели? – негромко спросил папа, словно обращаясь к самому себе.

– Ты говорил про глаза Эмили. – Мама округлила свои собственные. – Потому что у нее новый молодой человек.

– Когда же меня с ним познакомят? – громко спросил папа. – Надеюсь, он не скотина, как тот, другой.

– Джеральд! – воскликнула мама. – Выбирай выражения.

– Сколько вы уже вместе? – спросила Лора с неподдельным интересом.

– А, всего три месяца, не очень долго, – небрежно ответила я. И тут же пожалела, что выбрала такой тон: получалось, что у нас с Адамом – просто мимолетный романчик. – Но я бы хотела, чтобы вы с ним познакомились.

– Главное, смотри, чтобы он с тобой хорошо обращался, а не как тогда. Не вздумай мириться ни с какими его...

– Джеральд!

Мы все расхохотались, и я пожалела, что с нами нет Адама. Мне очень хотелось, чтобы он встретился с моей безумной семейкой. Просто чтобы он знал, во что ввязывается.

Я уехала очень неохотно, зная, что мне будет не хватать пьяной игры в шарады и маминой неспособности запомнить, сколько слогов в «Танцующем с волками». В ходе игры Стюарт каждое Рождество загадывал ей название этого фильма – исключительно для того, чтобы все мы полюбовались, как она пытается беззвучно его произнести. И тем не менее каждый год она вела себя так, словно вообще впервые слышит об этом названии.

– Береги себя, детка, – проговорила мама, обнимая меня в дверях.

Если бы я ехала не к Адаму, то так бы и осталась в ее теплых объятиях. От нее исходил аромат глинтвейна и апельсинов.

– Спасибо, мам. Позвоню, как приеду туда.

– Как насчет эгнога на дорожку? – спросил папа, подходя к дверям. Колпак на нем сидел набекрень. – Я специально купил бутылочку.

– Ей нельзя, Джеральд, – с укором заметила мама. – Она же за рулем. И кто вообще пьет эту гадость?

Я мысленно улыбнулась, всех расцеловала на прощание, еще чуть-чуть потискала малютку Софи, а потом все-таки выволокла себя на холод. Дороги оказались пусты, что и неудивительно: вероятно, большинство здравомыслящих людей уютненько устроились дома или в гостях на всю ночь – не желая покидать тепло очага и не в силах противиться искушению принять еще одну рюмочку хереса.

Уже стемнело, когда я остановила машину возле коттеджа Памми – одного из пяти одинаковых каменных домов, жавшихся друг к другу. Не успела я выключить фары, как белая деревянная дверь распахнулась и на крыльце появилась массивная фигура Адама. Из рта у него вырывались клубы пара, а из гостиной за его спиной – теплый свет.

– Давай же. – Он поманил меня, словно мальчишка, возбужденный праздником. – Ты поздно. Скорей.

Я посмотрела на часы: 17:06. Я опоздала всего на шесть минут. Мы поцеловались на крыльце. Казалось, я не виделась с Адамом целую вечность. На самом деле прошло всего три дня, но среди них затесалось Рождество, а в такое время чувствуешь, словно растрянжирил целые недели, сидя в четырех стенах, пялясь в ящик и наедаясь до тошноты.

– М-м-м, очень по тебе скучал, – шепнул он. – Заходи. Мы тебя ждали. Сейчас подадут обед.

– Обед? – Я на секунду замерла. – Но...

Он снова поцеловал меня, пока я снимала пальто:

– Мы все ужасно проголодались, но мама настаивала, чтобы мы тебя дождались.

– Все? Но... – начала я. Слишком поздно.

– А вот и она! – провозгласила Памми, просеменя ко мне и взяв мое лицо в ладони. – Бедняжка, вы совсем заledenели. Входите, вас пора накормить. Это вас согреет.

Я вопросительно взглянула на нее:

– Не беспокойтесь обо мне, я только что поела...

Она уже повернулась и теперь уносилась в сторону кухни.

– Надеюсь, вы проголодались, – окликнула она меня оттуда. – Я наготовила на целый полк.

Адам протянул мне бокал шампанского, и в своем издерганном состоянии я была рада этой холодной щекотке на языке.

– Что у нас к чаю? – спросила я, стараясь произнести слово «чай» как можно легкомысленнее, словно тем самым я могла *сделать* так, чтобы это и было просто чаепитие.

С приклеенной улыбкой я выслушала ответ Адама:

– Легче сказать, чего у нас *нет*.

– Адам, но я не могу... – сделала я еще одну попытку. Мы уже входили в столовую. Увидев стол, очень красиво накрытый на четыре персоны, со сверкающими подложками под

тарелки, белыми накрахмаленными салфетками, аккуратно свернутыми в серебряных кольцах, и декоративную вазу посередине (с бузиной и сосновыми шишками), я поняла, что у меня не хватит духу продолжить эту фразу.

– Вот, прошу, – певучим голосом объявила Памми, внося два блюда, на каждом – полноценный рождественский обед со всеми полагающимися гарнирами и приправами. – Это для вас. Я вам припасла еще одну тарелку, потому что знала – к тому времени, как вы сюда доберетесь, вы успеете проголодаться.

Душа у меня ушла в пятки.

– Очень надеюсь, что вам понравится, – прибавила она. – Я почти весь день провела на кухне.

Я выдавила улыбку:

– Выглядит замечательно, Памми.

– Садитесь вот сюда, – показала она. – А ты, Адам, вон туда. Садитесь, а я сейчас принесу две остальные.

Когда она выходила, я поймала его взгляд и кивнула в сторону пустого стула перед столь же красиво разложенными приборами, как и возле трех прочих мест.

– А, это для Джеймса, моего брата, – ответил он на мой безмолвный вопрос. – Он неожиданно явился накануне Рождества и до сих пор здесь. Я же тебе, кажется, говорил о нем по телефону?

Я покачала головой.

– Джеймс! – позвала Памми. – Обед на столе.

Тут я посмотрела на тарелку, которая стояла передо мной. Даже если бы я неделю ничего не ела, я не смогла бы осилить эту гору овощей, под которой едва-едва угадывались края толстенных кусков индейки, выглядывающие из-под двух йоркширских пудингов. Цвет фарфора под всем этим было не различить.

Мой живот, раздувшийся после трапезы с родителями, издал стон, и я, садясь, тайком расстегнула две верхние пуговицы своих облегающих брюк. Слава богу, что я надела длинную блузку: мне пришлось встать, когда вошел Джеймс.

– Не вскакивайте ради меня. – Он улыбнулся, протягивая мне руку. – Очень рад наконец-то с вами познакомиться.

Наконец-то? Мне это понравилось. Отсюда как бы следовало, что мы с Адамом вместе дольше, чем на самом деле. И что Адам наверняка говорил обо мне.

Я натянуто улыбнулась, вдруг осознав, как мне все-таки неловко сидеть рядом с совершенно незнакомым человеком, хоть он и далеко не чужой за этим столом.

Адам мало что рассказывал мне про Джеймса. Я знала лишь, что они – полная противоположность друг другу: у Адама была нервная работа в мегаполисе, а Джеймс создал небольшую фирму, занимавшуюся ландшафтным дизайном, где-то на границе Кента и Сассекса. Адам с готовностью признавался, что работает главным образом ради денег, а вот Джеймс вполне доволен такой жизнью, когда не нужно заглядывать дальше завтрашнего дня: главное для него – зани-

маться на свежем воздухе тем, что он любит.

Я смотрела, как он садится, как тянется за солью и перцем: движения и манеры у него были как у Адама. Они и внешне оказались очень похожи, только вот у Джеймса волосы длиннее и черты более заостренные, а на лице – никаких морщин и вообще никаких признаков напряжения, связанного с работой в большом городе.

Может, все мы так выглядели бы, если бы не надрывались в столице, сражаясь за каждую новую сделку и, несомненно, вгоняя себя в гроб раньше времени. А он легко и свободно скользит по жизни, занимается любимым делом, а если ему за это еще и платят, так для него это просто приятный бонус.

– У нашего Джеймса кое-какие неприятности с девушкой, – заговорщически прошептала Памми.

– Ну мам, – простонал он. – Я уверен, что Эмили не хочет об этом знать.

– Разумеется, хочет, – возразила она с негодованием. – На свете нет ни единой женщины, которая не любила бы сплетен.

Я с улыбкой кивнула, по-прежнему собираясь с силами, чтобы взяться за нож и вилку.

– Имейте в виду, мы не совсем уверены, что она вообще была для него подходящей парой, не так ли? – Она стиснула его руку, которую он положил на стол, временно перестав орудовать столовыми приборами.

– Мам, ну пожалуйста.

– Я просто говорю это вслух, только и всего. Говорю вслух то, что думают все остальные. У нее было много... как бы это назвать? Проблем. И если вы хотите знать мое мнение, то я скажу: даже лучше для него из всего этого вырваться.

Мне удалось проглотить по кусочку всего, что мне навалили на тарелку, если не считать брюссельской капусты, восемь кочанчиков которой скучали в лужице соуса.

– Боже мой! – воскликнула Памми, заметив, что я положила нож и вилку. – Вам не понравилось? Я что-то сделала не так?

– Вовсе нет. – Меня очень смущали озабоченные взгляды обоих парней. – Я просто...

– Но ведь вы сказали, что приедете голодной, верно? – не унималась она. – Вы сказали, что захотите чаю?

Я безмолвно кивнула. В моей семье это не называлось *чаем*.

– Ты нормально себя чувствуешь, Эм? – спросил Адам.

– Ах, эта юная любовь, – прощепетала Памми. – Помню, как мой Джим тоже вокруг меня носился, пылинки с меня сдувал.

– Мама очень старалась, – негромко напомнил Адам.

– Я отлично себя чувствую, и все такое вкусное, честное слово. Я просто хочу немного передохнуть, – проговорила я, опустив голову.

– Эм, но вы же почти ни к чему не притронулись, – заметила Памми. Это уменьшительное «Эм» прозвучало как-то

саркастически. Словно мы с ней обе – дети, играем где-нибудь на площадке и она меня дразнит.

Тогда я посмотрела ей прямо в глаза, стараясь сохранять благожелательное выражение лица. Она не отвела взгляда, но я могла бы поклясться, что в ее глазах сквозило надменное удовлетворение.

– Ну, как дела в кадровом бизнесе? – бодро спросил меня Джеймс.

В списке можно поставить еще одну птичку. Адам явно успел хорошо потрудиться – столько всего обо мне рассказал.

– Я уверена, что Эмили не хочется говорить о работе, – рассмеялась Памми.

– Простите, я... – Он осекся.

– Ничего-ничего, – вполне искренне отозвалась я. Что угодно, лишь бы отвлечь мое внимание от горы на тарелке. – В тех секторах, с которыми я работаю, дела обстоят по-прежнему неплохо, но нас постоянно преследует по пятам угроза онлайн-рекрутинга.

Он кивнул:

– Ну, а в IT-индустрии, конечно, царит невиданное процветание? – Он похлопал Адама по плечу. – Если верить словам этого типа.

– Ага, значит, он опять себя расхваливал? – засмеялась я. – Суперуспешный IT-руководитель.

– Что-то в этом роде, – улыбнулся Джеймс.

– А я ему твержу, что это вчерашний день, – шутливо заметила я. – Все эти высокие технологии долго не продержатся.

Я покосилась на Адама, и его губы изогнулись в улыбке. Но до его глаз эта улыбка не добралась.

Джеймс засмеялся, и я понимала, что мне следовало бы посмотреть на него, но я чувствовала на себе взгляд Адама и не знала, куда смотреть.

– Может, мне стоило бы надеть болотные сапоги, взять лопату и начать вместе с тобой возиться в навозе, братишка, – проговорил Адам, в свою очередь похлопывая Джеймса по плечу. Я поняла, что он делает это несколько покровительственно. Забавно: когда Джеймс хлопал Адама по плечу, никакой покровительственности в этом я не заметила. Я тут же мысленно отругала себя за то, что провоцирую братское соперничество. У меня же у самой есть брат, я же понимаю, что это такое, когда дети вечно конкурируют друг с другом.

Джеймс молча подвигал вилкой зеленый побег у себя на тарелке.

– А вы где-то рядом живете? – спросила я у него. Мне отчаянно хотелось как-то развеять эту гнетущую атмосферу.

Он кивнул:

– У меня соглашение с одним клиентом, он обитает в одной из ближних деревень. Он позволяет мне жить на его земле, а в обмен я поддерживаю его сады в полном порядке.

– Но трудность в том, что это отец той самой девицы, –

добавила Памми.

Я скорчила гримасу и посмотрела на него:

– Ну да, я понимаю.

– Все сложно, – отозвался он, словно оправдываясь. –

Опять я вляпался.

Я улыбнулась:

– А как вообще весь этот... сельскохозяйственный бизнес? У вас много дел?

Вряд ли вежливость позволяла мне играть ведущую роль в этой застольной беседе, но и Памми, и Адам включили беззвучный режим, предпочитая молча поглощать обед.

– Я очень люблю этим заниматься, – ответил он с неподдельной убежденностью. – Те, кто любит свое дело, часто говорят: это призвание, а не работа. Могу только повторить это вслед за ними.

– Ну да, я часто так говорила, когда работала в обувном, – заметила я. – Ах, бедные ножки, им так нужна помощь и поддержка. Я бы трудилась там бесплатно, настолько пылала страстью к этому делу.

Он расплылся в улыбке, не отводя мягкого взгляда от моих глаз.

– Вы – один из настоящих воителей этой жизни, – провозгласил он. – Благодарю вас от всей души.

И он прижал ладонь к груди. На какое-то время показалось, что кроме нас тут никого нет. Но деловитое постукивание ножей и вилок Памми и Адама вернуло меня к действию.

тельности.

– Простите, я на минутку. – Я встала из-за стола, отодвигая стул.

Я съела все, что смогла, и мое тело уже готовило ответный удар: внутри у меня все сжималось и скручивалось. Я не знала, что сильнее вгоняет меня в панику – этот кишечный бунт или не совсем понятное чувство, которое породил во мне Джеймс. Я была уверена, что никто больше этого не заметил. Значит, я это просто придумала? Я искренне надеялась, что так и есть.

Потом мы убрали со стола и прибрались на кухне. Я подождала, пока Памми и Джеймс отойдут достаточно далеко, чтобы нас не слышать, прислонилась к Адаму и тихонько спросила:

– Не желаешь прогуляться?

– Конечно, – ответил он. – Сейчас куртку возьму.

– Куда это ты направляешься? – спросила у него Памми в холле. – Ты же не уезжаешь? – В ее голосе слышалась паника. – Я думала, ты останешься.

– Мы и остаемся, мама. Мы просто немного пройдемся после такого замечательного обеда.

– «Мы»? – переспросила она. – Ты хочешь сказать, что Эмили тоже остается?

– Разумеется. Мы переночуем, а после завтрака поедем домой.

– И где же она будет спать? – осведомилась она уже более

тихо.

– Со мной, – объявил он.

– Не думаю, сынок. А поскольку приехал еще и юный Джеймс, у нас не хватит места.

– Джеймс может лечь на диване, а мы с Эмили – в гостевой спальне.

– В этом доме вы не станете спать вместе. – Голос у нее дрожал. – Это неправильно. Это неуважение.

Адам нервно рассмеялся:

– Мама, мне двадцать девять лет. Мы давно не подростки.

– А мне безразлично, сколько вам. Под моей крышей вы не будете спать вместе. Это было бы неуместно. В любом случае Эмили сказала, что сегодня переночует в гостинице.

Что? Хорошо, что я еще не вышла из кухни. Мне потребовалась вся моя решимость, чтобы не запихнуть в рот кухонное полотенце и не сжать его зубами. Когда это я говорила, что остановлюсь в гостинице?

– Мама, Эмили не собиралась ни в какую гостиницу, – возразил Адам. – Какой в этом смысл?

– Она сама мне сказала по телефону, – возмущенно ответила его мать. – Если уж она собирается ночевать здесь, может лечь на диване. А вы с Джеймсом – в гостевой спальне.

– Мама, но... – начал Адам. Я вошла в холл и увидела, что ее ладонь остановилась всего в нескольких сантиметрах от его лица.

– И никаких «но». Так будет – нравится тебе это или нет.

Если бы ты меня любил и уважал, ты бы даже не просил меня ни о чем подобном.

Тут у нее потекли слезы. Сначала она плакала тихо, но когда увидела, что Адам не приближается к ней, рыдания стали громче. Я в ошеломлении замерла, мысленно желая, чтобы он проявил твердость. Когда ее плечи начали вздрагивать, Адам обнял ее, притянул к себе:

– Ш-ш, мама, все в порядке. Прости, я не хотел тебя расстраивать. Я согласен. Конечно же, я согласен.

– Я никогда не говорила... – начала я. Но Адам взглядом попросил меня замолчать.

– Мы поступим так, как ты захочешь, – успокаивающе говорил он, покачивая ее взад-вперед, словно младенца.

Взглянув на меня, он с извиняющимся видом пожал плечами, словно хотел сказать: «Ну что еще я могу сделать?» И потом он стал подниматься наверх, но я отвернулась и не проводила его глазами.

Внутри у меня всколыхнулась волна гнева. Крошечная, но она могла и разрастись. Если бы я столько не выпила, то, вероятно, могла бы сесть в машину и укатить домой. Знай я, что здесь будет Джеймс и что от меня будут ожидать ночевки на старом диване, я бы осталась у родителей. Я хотела быть с Адамом. И я думала, что и он тоже хочет быть со мной. А в итоге мне пришлось угождать капризам его матушки, вечно требующей заботы и внимания. И оправдываться.

– Вы ведь не возражаете, верно? – Голос Памми звучал

уже более жизнерадостно. Она принесла сверху одеяло и подушку.

Я раздвинула губы в улыбке и с беспечным видом помотала головой.

– Просто должны существовать границы. В наше время мы и помыслить не могли, чтобы залезть с кем-нибудь в постель до брака. Я знаю, теперь все по-другому, но это не значит, что я буду с этим мириться. Даже не представляю, как вы, молодые, можете так себя вести. Спите со всеми, с кем заблагорассудится. Мы так насчет этого беспокоимся – и я, и мои мальчишки. Того и гляди, к одному или к другому явится какая-нибудь потаскуха и заявит, что понесла от него.

Это она про меня? Я несколько раз вдохнула и выдохнула. Последний выдох получился слишком громким. Это был не совсем вздох, но она все-таки тут же за него ухватилась:

– Бог ты мой. Я не хочу сказать, что вы сделаете что-нибудь подобное, но ведь мы не должны оставлять все на произвол судьбы, правда? Если нам даже не нужно переживать насчет беременности, всегда остаются еще эти ужасные болезни, которые мы можем подхватить.

Почему она говорит «нам», а не «ему»?

– Лучше давайте-ка я, – произнес Джеймс, входя и берясь за два угла одеяла, которые я неохотно держала по ее просьбе. Он встряхнул одеяло.

– Уж простите, я очень рада вас тут видеть, но если бы я знала, что вы останетесь... – Памми никак не могла угомо-

ниться.

– Мам, может, принесешь простыню из сушильного шкафа? – предложил Джеймс. – Постелем ее на диван.

Я смотрела, как она выходит. Потом я повернулась к Джеймсу. Потребовались все мои волевые ресурсы, чтобы не показать свое раздражение надуванием щек и громким «пуф-ф». Но, кажется, у меня не очень получилось скрыть свои чувства.

– Простите, – сказал он. – Она просто придерживается старомодных правил.

Я улыбнулась. Я была благодарна, что он это признал.

– Если хотите, можете переночевать в моей постели.

От этого совершенно невинного замечания щеки у меня явно покраснели. Я наклонилась и стала взбивать подушку, которая не нуждалась во взбивании.

– А я устроюсь здесь с Адамом, – продолжал он. – Я понимаю, для вас с ним получится не самая романтическая ночь после Дня подарков. Но, боюсь, это самый лучший вариант, какой я могу предложить.

– Огромное спасибо, – искренне ответила я. – Но мне и тут нормально, правда. – Я покосилась на бугристые диванные подушки. – Мне доводилось спать в местах похуже.

Подняв брови, Джеймс улыбнулся, демонстрируя ямочку на щеке: прежде я ее не замечала.

– Что ж, вас никто за язык не тянул, – произнес он.

Вдруг я поняла, что мой ответ можно было истолковать

превратно.

– Я имею в виду – когда мы с родителями ходили в походы, – поспешно добавила я. – Есть в Корнуолле такое местечко, для восьмилетнего ребенка оно – прямо как из романа Энид Блайтон. Журчит ручеек, коровы ложатся на траву перед дождем, и нужно отыскивать здоровенные валуны, чтобы прижать края палатки, и комары – приятели эльфов...

Он глядел на меня, как на помешанную.

– В детстве я читала массу книг и писала много всяких историй, – пояснила я извиняющимся тоном.

– Подумаешь, комары-эльфы. В былые годы я сражался с гигантскими птеродактилями и шерстистыми мамонтами... – поведал он, словно соревнуясь со мной.

– Ага, вы тоже много читали.

– Ну, мне было девять лет, что вы хотите? – Он как будто оправдывался.

Мы одновременно рассмеялись.

– Похоже, у нас обоих было чрезмерно развито воображение, – заметила я. – Иногда мне хочется вернуться в те годы. Жизнь тогда была гораздо проще. А теперь я только за большие деньги соглашусь провести ночь на поле, где под боком шумный поток, грязные коровы, неудобные камни, а вокруг вьются всякие кусачие твари.

– Теперь этот ветхий диван кажется до странности привлекательным, да? – проговорил он.

Я улыбнулась.

– А куда вы потом собираетесь, влюбленные пташки? – осведомилась Памми, возвращаясь в комнату и деловито разворачивая простыню.

– Эмили очень милая, но она – подружка моего брата, а не моя, – заметил Джеймс. – Так что я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. И какой вывод обо мне можно сделать из всего этого. – Он расхохотался.

– Бог ты мой! – вскрикнула Памми. – Я думала, это Адам! – Она повернулась ко мне. – Они так похожи. И всегда были похожи. Как две капли воды.

Я сохраняла на лице приклеенную улыбку.

– Тут у нас примерно в миле отсюда, на этой же дороге, есть очаровательный паб, – сообщила она. – Если мне не изменяет память, там есть и комнаты для постояльцев. Скорее всего, их все уже заранее забронировали, сегодня же День подарков и все такое. Но, может быть, имеет смысл узнать, ведь вы же сами сказали, что собираетесь...

– Ты готова? – позвал Адам. Он спускался вниз, держа в руке шапку и перчатки.

От ошеломления я не могла отреагировать сразу же, и за меня ответила Памми. Судя по всему, она отлично умела это делать.

– Да, она здесь. Отправляйтесь, приятной прогулки. Заварю свежий чай к вашему возвращению.

Я потуже обвязалась шарфом, пряча под ним рот, чтобы из него случайно не вырвались мои мысли.

– Извини насчет всего этого, – произнес Адам, хватая меня за руку. Мы шли по слабо освещенной дороге.

Я почувствовала облегчение. Значит, я не схожу с ума. Значит, он тоже заметил.

– Да, я понимаю, расклад не идеальный, но это все-таки ее дом, – продолжал он.

Я остановилась как вкопанная посреди улицы. И повернулась к нему:

– И все? Это все, за что ты хотел извиниться?

– А что такое? Я знаю, это досадно, но это же всего на одну ночь, а утром мы встанем и пораньше уедем. Хочу тебя привезти обратно ко мне.

Он подошел поближе, его губы коснулись моих, но я вся напряглась и повернула голову в сторону.

– Да что с тобой такое? – Его тон изменился.

– Ты этого не понимаешь, да? – спросила я громче, чем намеревалась. – Ты совершенно этого не видишь.

– О чем ты вообще? Чего я не вижу?

Я снова повернулась к нему и чуть не рассмеялась:

– Ты все блуждаешь в своем уютном мирке и не позволяешь, чтобы тебя что-нибудь беспокоило и донимало. Открой глаза и убедись: на самом деле жизнь *не такая*. И всякий раз, когда ты суешь голову в песок, как страус, и стараешься не слышать никаких посторонних звуков, я остаюсь терпеть всю эту пакость.

– Ты что, серьезно? – Казалось, сейчас он повернет обрат-

но к дому.

– А ты не в состоянии увидеть, что тут происходит? – закричала я. – Увидеть, что она пытается сделать?

– Кто? Что?

– Я заранее сказала твоей матери, что я просто попою с вами чаю, а она обрушила на меня целый рождественский обед. Я заранее сказала ей, что собираюсь переночевать здесь, и она заверила меня, что это нормально. Да я бы никогда не приехала, если бы знала...

– Если бы знала что? – Ноздри у него слегка раздувались. – В нашем доме «чай» означает обед. И потом, ты абсолютно уверена, что она тогда разрешила тебе переночевать здесь со мной? Потому что за все время она позволила это сделать только одной девушке. С которой мы были вместе два года. А мы с тобой сколько вместе? Два месяца?

Казалось, он ударил меня куда-то в грудь. Такое действие произвели его слова.

– На самом деле три, – бросила я.

Он раздраженно всплеснул руками и развернулся, чтобы пойти обратно.

Спрашивала ли она меня по телефону, собираюсь ли я остаться? Ответила ли я ей, что собираюсь? Я совершенно точно не говорила ей, что планирую переночевать в гостинице. Может, она предполагала, что я имею это в виду? Мысли у меня путались.

Адам удалялся, и я мысленно промотала пленку вперед,

представляя, как он прошепчетует обратно в дом Памми, а через двадцать секунд явлюсь я, в самом жалком виде. Я не могла позволить, чтобы такое случилось.

И тогда я заплакала. Самыми настоящими слезами разочарования и злости. Вы только поглядите на меня. Что я вообще делаю? Строю из беззащитной старушки какую-то монструозную мамашу. Просто безумие. Я – безумная.

– Прости, – пролепетала я. И он остановился, развернулся, пошел обратно ко мне. К тому месту, где я стояла, – всхлипывающая дурочка посреди дороги.

– Да что такое, Эм?

Он обнял меня, притянул к себе. Я чувствовала тепло его дыхания у себя на макушке. Грудь у меня тяжело поднималась и опускалась.

– Все нормально. Все со мной в порядке, – ответила я вяло. – Не знаю, что на меня нашло.

– Ты переживала из-за того, что скоро опять на работу? – мягко спросил он.

Я кивнула. И соврала:

– Да, наверное, это все стресс.

Мне хотелось сказать ему, что меня в действительности расстроило. Я не хотела, чтобы мы что-то скрывали друг от друга. Но что мне оставалось делать? Сказать: «По-моему, твоя мать – мстительная ведьма»? Это прозвучало бы смешно. И потом, где подтверждение этой теории? Ее избирательная память, ее склонность перекармливать гостей?

Нет уж, решила я. Все мои суждения насчет его матушки, о том, что она полоумная, и обо всем прочем мне следует держать при себе. Пока.

Я намеревалась какое-то время не попадаться Памми на глаза, чтобы успокоиться и как следует обдумать ее странное поведение. В конце концов, я была уверена, что передо мной просто мать, которая печется о благополучии сына. Если я и дальше буду так думать, я могу начать понимать ее. Но через три недели после Рождества, за два дня до моего дня рождения, она позвонила Адаму спросить, может ли она где-нибудь отметить этот праздник вместе с нами.

Конечно, я всеми силами пыталась выкрутиться, придумывала всяческие отговорки. Ничего не действовало.

– Я же должна что-то устроить вместе с Пиппой и Себом, – объясняла я Адаму. – И на работе тоже сказали, что хотели бы где-нибудь отпраздновать это вместе со мной.

– Ты можешь отметить с ними в любой день, – отрезал Адам. – Мама хочет нас угостить.

Слово «угостить» означало, что мы отправимся в ресторан, который она сама выбрала. В ее родном городе – в Севеноксе. День рождения был *у меня*, но получалось, что мы все равно должны поступать так, как *ей* хочется.

– О, Эмили, очень рада вас видеть, – энергично проговорила она, приближаясь к столику, за которым мы ждали ее уже больше двадцати минут. Она оценивающе окинула меня взглядом. – Вы выглядите... хорошо.

Во время первого блюда она была просто сама любезность. Так и лучилась благожелательностью. Я уже стала расслабляться, но тут она спросила, что мне подарил Адам. Я посмотрела на него через стол, и он кивнул, словно давая разрешение сообщить ей.

– Знаете, он везет меня в Шотландию, – поведала я с большим подъемом. И увидела, как на лице у нее отражается смущение, смешанное с неудовольствием. Ее рот образовал букву «О», но из него не раздалось ни звука.

– Я там уже столько лет не был, – признался Адам.

– А я вообще никогда не была, – вставила я.

– Что ж... И к-когда же вы поедете? – спросила она, заикаясь.

– Завтра! – хором воскликнули мы.

Казалось, ей нанесли тяжелый удар. Она так и обмякла в кресле.

– Все в порядке, мама? – спросил Адам. – У тебя такой вид, словно ты встретила с привидением.

Памми прямо-таки содрогнулась. Было такое впечатление, что на несколько секунд она утратила дар речи.

– И где же вы остановитесь? – наконец спросила она.

– Я забронировал номер в отличном отеле, на пару дней, – сообщил Адам. – Тетя Линда сказала, что мы можем пожить у нее, но мне не хотелось быть ей в тягость.

Как это ни смешно, я чувствовала настоящий триумф. Тетя Линда сказала, что мы можем пожить *у нее*, мысленно на-

певала я. Вот тебе, вот тебе. Я упрекала себя за это детское злорадство.

– Откровенно говоря, я просто потрясена, – заметила Памми. – Я и понятия не имела.

Я удивилась: а что, она думала, что ее об этом непременно известят за несколько дней?

– Линда приглашала нас пообедать, – добавил Адам. – У нее будут Фрейзер и Юэн. Я бы очень хотел, чтобы Эмили со всеми познакомилась.

– Бог ты мой, вот это уж настоящий сюрприз, – заметила Памми, похлопывая Адама по руке. – Что ж, прелестно, просто прелестно.

Пока мы ждали главного блюда, разговор шел довольно неуклюже. Я приветствовала морского окуня как старого приятеля, радуясь, что теперь мне есть на чем сосредоточить внимание. Когда Адам, извинившись, пошел в туалет, я хотела побежать туда вместе с ним.

– Значит, все продвигается довольно-таки стремительно? – поинтересовалась Памми, даже не дожидаясь, пока закроется дверь с мужским силуэтом на табличке.

– Угу. – Я напряженно улыбнулась.

– Сколько вы уже вместе? – Поджав губы, она сделала небольшой глоток из своего бокала с белым вином и содовой.

– Четыре месяца.

– Боже, это ведь всего ничего, – отозвалась она с принуж-

денной улыбкой.

– Но ведь время тут не всегда главное? – Я по-прежнему старалась поддерживать легкомысленный тон. – Главное – что ты чувствуешь.

– И в самом деле, – ответила она, медленно кивая. – И вы чувствуете, что Адам – тот самый, единственный?

– Надеюсь. – Мне хотелось ограничиваться минимально необходимыми ответами. Незачем сообщать ей лишнее.

– И вы думаете, что он чувствует то же самое? – Она смерила меня испепеляющим взглядом, словно имела дело с наивным ребенком.

– Надеюсь, что да. Мы практически живем вместе, так что... – Я нарочно не закончила фразу. Казалось, я чуть ли не сама хочу, чтобы она что-нибудь добавила. При этом я знала, что не хочу этого слышать.

– Будет очень разумно, если вы немного сдадите назад, – проговорила она. – Он любит жить в своем собственном пространстве, а если вы его будете слишком теснить, он от вас сбежит. Вырвется на свободу.

– Он что-нибудь об этом говорил? – не удержалась я.

Губы у нее раздвинулись в самодовольной усмешке, и я тут же пожалела, что не смогла промолчать.

– Так, пустяки, – с показной небрежностью ответила она, отлично зная, что я буду не в состоянии довольствоваться таким ответом.

– Какие пустяки? – спросила я. – Например?

– Ну, обычные, вы сами знаете. Мол, он чувствует, что его немного ограничивают. Что он вынужден перед вами отчитываться всякий раз, когда хочет выйти на улицу.

В груди у меня разлился жар. Значит, вот что он из-за меня чувствует? Не будь смешной, возражала я себе. У нас с ним равные партнерские отношения. Мы не такие. Для нас важно другое. Но тут перед моим мысленным взором возникла картинка: в прошлый четверг я напустилась на него за то, что он вернулся поздно. А в воскресенье я спросила, сколько он собирается пробыть в тренажерном зале. Неужели я такая? Неужели он так устал от моих допросов, что пожаловался матери?

Я смотрела на нее, и в моем мозгу бешено крутились все эти мысли, и я – не в первый раз – подумала: интересно, она нарочно? Или я опять все понимаю неправильно?

Не поворачиваясь, она словно бы почувствовала, что Адам возвращается. Усмехнулась и накрыла мою руку своей.

– Я уверена, вам совершенно не о чем беспокоиться, – бодро произнесла она самым елейным голоском, с самым невинным видом.

– Стало быть, она просто чокнутая старушка, одинокая и скучающая? – спросила Пиппа после того, как Адам по завершении этого праздничного обеда завез меня домой. Он хотел, чтобы я осталась у него, но Памми вымотала мне всю душу, и я хотела к себе.

Я покачала головой и пожала плечами.

– Или тут более серьезная ненависть? – произнесла Пиппа своим самым зловещим голосом. – Может, она ведет какую-то свою игру?

– Даже не знаю, – честно ответила я. – Иногда мне кажется, что это просто глупая мелочность. А потом что-то начинает меня грызть изнутри, откусывает по кусочку, и в конце концов я проникаюсь уверенностью, что она – ожесточившаяся, ревнивая психопатка.

– Ух ты. Погоди-ка, стоп-стоп, давай немного успокоимся. – Пиппа предостерегающе подняла обе ладони. – Сколько ей, ты говоришь? Шестьдесят три?

– Ну да. И что?

– Просто мне известно очень мало случаев опасной психопатии среди людей шестидесяти с лишним лет.

Я невольно расхохоталась. Ну да, подумала я: когда это проговариваешь вслух, звучит просто смехотворно. Надо будет напомнить себе об этом, когда в следующий раз я позволю себе слишком переживать на сей счет.

Эсэмэска гласила: «Конечно. Очень рада буду тебя увидеть, сынок. Во сколько думаешь приехать? Надеюсь, она никуда от тебя не ускакала. В наши дни такое случается сплошь и рядом. Целую, мама».

Что? Я перечитала сообщение. Какого черта, о чем это Памми? Я прокрутила нашу переписку. Последнее, что я ей отправила, – неохотное «спасибо», на прошлой неделе, после того обеда в честь моего дня рождения.

Я перечитала ее послание еще раз. «Надеюсь, она никуда от тебя не ускакала». Это явно посылали не мне. Видимо, она хотела отправить это Джеймсу. Он воссоединился с той самой девушкой, о которой она была невысокого мнения. Ну да, тогда более-менее понятно. Бедная девчонка. Похоже, она от нее натерпелась побольше моего.

Я прислушалась. В ванной шумел душ. Я дотянулась до Адамова телефона, который лежал с его стороны кровати. Быстро пролистала его эсэмэски. Двадцать минут назад он послал ей такую: «Привет, ма. У Эмили в этот уикэнд конференция, поэтому решил к тебе заскочить. Как насчет субботы? Целую».

Мою голову словно заволокло изнутри жарким туманом. Да, это она писала *обо мне*. Она послала ответ не ему, а мне. Подавив сердитый вопль, я стиснула кулаки, изо всех сил

противясь искушению броситься на кровать и начать колосматить подушки. Ручка двери ванной повернулась, и я, можно сказать, практически швырнула телефон Адама на его прикроватный столик.

– Что с тобой такое? – На нем было только полотенце во-круг пояса. Я не знала, может ли он разглядеть вину в моем взгляде, ощутить гнев, кипящий у меня внутри.

– Ничего, – процедила я, поворачиваясь, чтобы открыть платяной шкаф. Почти вся моя одежда была теперь у него, потому что я неизменно проводила тут почти все свое нерабочее время. Я по-прежнему оплачивала съемную квартиру пополам с Пиппой, но теперь я ночевала там, если считать в среднем, меньше двух раз в неделю, так что мы с Адамом обсуждали всякие варианты нашей дальнейшей жизни.

– Разве ты не хочешь переехать сюда насовсем и отказаться от той квартиры? – спросил он не далее как этой ночью, когда мы лежали в постели.

С трудом подавив восторженный вопль, я ответила:

– А то пока получается как-то неразумно, да?

Я постаралась, чтобы это прозвучало беспечно, но я была уверена, что он слышит почти истерический подъем в моих интонациях.

Он кивнул.

– Но я не думаю, что именно здесь мне хочется жить постоянно. – Я демонстративно сморщила нос, и он приподнялся, опершись на локоть.

– А что такого? Тебе не нравится, когда тебя в пять утра будят крики уличных торговцев? – Он улыбался. – И весь этот тарарам в ночь на субботу? Да что с тобой?

Я весело хлопнула его по руке.

– Значит, ты хочешь бросить обе квартиры? И чтобы мы поискали что-нибудь вместе?

Я улыбнулась, и мы скрепили эту сделку сексом.

Наутро мы проснулись, полные воодушевления – и готовности шерстить предложения риелторов Блэкхита. Ну да, речь шла о всего-навсего съемном жилье, но кто бы мог подумать, что я, такая маленькая и глупенькая, в конце концов взлечу до «Юго-Востока-3»? Внутри у меня все так и пело. Но тут пискнул телефон, и мне свалилась непрошенная эс-эмэска от его матери. И теперь я ощущала неприятную тесноту в груди, словно она сунула туда руку и держит меня, не дает мне сдвинуться с места.

Конечно, я могла бы во всех подробностях описать Адаму возникшую проблему и зачитать ее послание вслух, чтобы показать ему, какую обиду она способна причинить. Но тогда мне пришлось бы рассчитывать на его собственную честность. Ему пришлось бы признать, что это послание предназначалось ему и что речь там идет обо мне. Я не знала, пойдет ли он на такое. Я думала: скорее всего, он просто отмахнется. Скажет: «Ну, ты же знаешь мамочку, она ничего такого не имеет в виду». Но, думала я, не важно же, что она там имела в виду. Если я из-за этого расстроилась, он должен

заступить за меня, поддержать меня, быть на моей стороне, а не на стороне своей матери. По крайней мере, мне так казалось.

Хотя, если совсем честно, я уже начинала питать сомнения насчет того, кто для Адама важнее, – после одного-двух замечаний, которые он проронил на этой же неделе, пока мы еще отдыхали в Шотландии.

– Ну, услышим ли мы в ближайшее время свадебные колокола? – дразня меня, спросила Ласковая Линда со своим мягким и жизнерадостным шотландским акцентом. Я так ее назвала, потому что она была... ну, правда ласковая. И очаровательная. Как и у сестры, у нее был небольшой острый носик и тонкие губы, но я пыталась найти различия между ними, и Линда выигрывала при этом сравнении. У нее в глазах была теплота. А у ее сестры Памми – нет.

– Погодите-погодите, – засмеялся Адам. – Мы же только что познакомились.

Я тоже улыбнулась, но невольно почувствовала себя немного задетой: слишком уж пренебрежительно он отозвался о наших отношениях.

– Но ведь какие-то вещи сразу понимаешь, а? – Линда подмигнула.

– Посмотрим, – ответил Адам, беря меня за руку.

– Что вы устроите? – допытывалась она. – Огромную традиционную свадьбу?

– Если я все-таки когда-то выйду замуж, – хихикнула

я, подчеркивая это «если», – я бы хотела поехать куда-нибудь в жаркие края с самыми-самыми близкими и дорогими людьми. И проделать все это на каком-нибудь пляже.

– О-о, только представьте, – воскликнула Линда. – Замечательная мысль.

– Нам так нельзя поступать, – заявил Адам, глянув на меня как на сумасшедшую. – Наши родные взбеленятся.

– Мои совершенно не будут возражать, – заметила я.

– И нечего переживать насчет нас, – вставила Линда. – Делайте то, что *вы сами* хотите.

– Мама будет недовольна, – произнес Адам. – Я уверен, что ей захочется устроить большое торжество где-то тут. Чтобы могла собраться вся семья.

– Это *ваш* день, – настаивала Линда. – Вовсе не обязательно оглядываться на кого-то еще.

– Вы всегда можете заскочить в Гретна-Грин⁷, – напомнил Юэн, двоюродный брат Адама. – Это же совсем рядом. Вам даже свидетели не понадобятся.

Мы все рассмеялись, но среди раскатов хохота я все-таки расслышала слова Адама:

– Мне это в жизни не дадут сделать!

Так что я понимала свое положение. И думала: пока я для него лишь на втором месте, мне следует с большой осторож-

⁷ Гретна-Грин – деревня на границе Англии и Шотландии, куда с середины XVIII в. часто бежали влюбленные, чтобы пожениться без согласия родителей или опекунов.

ностью ввязываться в споры. Мне хотелось наслаждаться сегодняшним днем – и теми радостями, которые он мог принести. Мне хотелось бродить с ним по Блэкхит-Виллидж, подобно другим парочкам, которые я там видела. С энтузиазмом и надеждой заглядывать в окошки агентов по недвижимости, а потом входить и перечислять наши требования. Да, мы решили, что желательно наличие второй спальни. Да, если уж не идти на компромиссы насчет месторасположения, то небольшой садик – это огромный плюс. Нет, у нас нет домашних животных. Накануне вечером мы, словно дети, обсуждали свой список желаний, пока не дошли до ужасных глупостей. Нет, мы и смотреть не станем этот подвал без окон, полностью ниже уровня земли. Да, нас не беспокоит соседство вересковой пустоши, если имеется хотя бы небольшой шанс, что стоимость аренды такого жилья будет меньше двух наших зарплат (после всех вычетов).

В общем, намечался потрясающий день. И я все думала: надо ли мне сказать ему, что она сделала и что я из-за этого чувствую? Или молчать в тряпочку? И есть ли у меня на самом деле выбор в этой ситуации?

Адам подошел ко мне сзади, обхватил меня руками за талию, шевельнулся – и полотенце свалилось с него на пол. Я уже не могла сосредоточиться на поисках верного решения. Я даже не могла толком увидеть рубашки и блузки, плечики с которыми я бессмысленно передвигала. Передо мной маячили просто какие-то цветные куски, я не могла различить

ни одну вещь, и каждая новая вешалка, казалось, лишь усиливает мой гнев.

– Ты уверена, что все в порядке? – спросил он, уткнувшись носом мне в шею.

Скажи что-нибудь. Все хорошо, не надо ничего портить. Нет, скажи что-нибудь. Не надо ничего портить. Так легко было пойти по одному или по другому пути.

– Ну да, честно. – Я повернулась, ответила на его поцелуй. – Я просто думала про работу. Там столько всего творится.

– У меня есть чем тебя отвлечь, – промурлыкал он. – Чтобы ты не спала наяву.

Я смотрела, как он опускает голову, отодвигает тоненькое кружево моего бюстгальтера, проводит языком вокруг моего соска. Я чувствовала, как моя ярость растворяется. Его пальцы пропутешествовали вниз, сдвинули мои трусы.

Я попыталась его оттолкнуть, хоть и без особого рвения:

– Нельзя. У нас много дел.

– Успеется. Сначала давай-ка посмотрим, сумею ли я тебя избавить от всех этих забот и треволнений.

Бессмысленно было его останавливать. Мы оба знали, что я и пытаться не стану. Он мне был нужен так же, как я ему. А порой даже сильнее. Мне всегда казалось, что секс – штука перехваленная. Но потом я встретила Адама. Ну да, секс мне всегда нравился, но меня озадачивал нескончаемый поток статей в женских журналах, где утверждалось, что если мы

не занимаемся этим по пять раз в неделю и по меньшей мере в двух случаях из этих пяти не отрываемся по полной, тогда с нами явно что-то не так.

И даже с Томом я толком не понимала, откуда все эти восхваления секса, хотя с ним-то я позволяла себе больше, чем с кем-нибудь еще. Мы занимались любовью дважды в неделю. Он взгромождался сверху – и после того, как кончал сам, удовлетворял меня иными способами. В общем, секс как секс, меня это вполне устраивало. Но с Адамом все было совершенно иначе. Наконец-то я поняла, о чем все твердят с таким восторгом. Он знал меня, а я – его. Мы идеально подходили друг другу. Проходило совсем немного дней, прежде чем одному из нас снова требовался другой. Связь между нами была прочна, и наше настроение то и дело менялось под действием этой нити. Секс перестал быть для меня наименее важной частью отношений, взлетев на одну из верхних строчек списка приоритетов.

Я застонала: его голова скользнула вниз по моему телу. У меня перехватило дыхание.

Мне на миг представилось лицо Памми, искаженное гримасой ужаса, но я заставила себя вытеснить этот образ из своего сознания. С тобой я позже разберусь, мысленно говорила я, ощущая язык Адама на своей коже. Но сначала твой сын займется со мной любовью. Меня захлестнула волна какого-то извращенного удовлетворения: такое острое наслаждение не мог бы доставить мне даже Адам.

Тяжело дыша, мы еще оставались сплетенными друг с другом, когда его телефон пискнул: пришла эсмэска. Адам высвободился, перекатился на кровати, дотянулся до столика.

– Это кто еще по твою душу? – спросила я небрежно. Может, Памми отправила тот же текст, только уже ему?

– Пит. Мы с ним вместе работаем. И мама написала.

– У твоей мамы все нормально? – Я изобразила неприкрытый интерес.

– Да, все хорошо. Я просто проверял, будет ли она дома в эти выходные. Хотел к ней заехать, пока ты будешь на конференции.

– Отличная мысль. И как, она не против? – не отставала я.

Он набирал ответ. Я ждала, чтобы он отреагировал на мой вопрос.

– Ну да, все улажено, – наконец отозвался он.

Мне очень хотелось, чтобы он прочел мне ее послание. Чтобы мы могли вместе посмеяться, обозвать ее глупой старой коровой. Но он не стал мне его читать.

– Загляну к ней в субботу, – сообщил он.

Черт бы тебя побрал, Адам. Почему ты не мог ответить честно?

Я была на работе, когда мой мобильный пискнул эсэмэской:

«Ты сумасшедшая?»

Номер был незнакомый, поэтому я сунула телефон в сумочку. Убрала подальше, чтобы избежать искушения. Но я смогла продержаться лишь пару минут. Как вообще можно игнорировать такое послание?

Я отправила ответ: «Извините?»

И снова получила вопрос:

«Ты жаждешь наказания?»

Я начала всерьез волноваться. Или я хорошо знаю отправителя, или это плохо завуалированное приглашение из какой-нибудь садомазохистской темницы.

«Ответ на оба вопроса – нет. Видимо, вы ошиблись номером», – написала я.

Пришел ответ:

«Только полный псих может думать, что ради встречи с моей полоумной семейкой имеет смысл отпрашиваться с работы».

Я откинулась в кресле и немного подумала. Потом на лице у меня расплылась улыбка. Так мог написать мне только один человек.

«Джеймс?»

«Ну да. Кто ж еще?»

Я: «Привет, как ты там?»

Дж.: «Все нормально. Как прошел отдых среди горцев?»

Не удержавшись, я вслух расхохоталась, и Тесс, моя коллега, сидящая напротив меня, с улыбкой подняла брови.

Я: «Замечательно! В любом случае не стала бы их ругать – вы удивительно похожи».

Дж.: «А? В смысле?»

Я: «Фрейзер и Юэн – совсем такие же, как вы с Адамом. Яблочки недалеко укатились от этой яблони».

Дж.: «Мне как-то даже неловко. Они оба – усыновленные».

Я: «О господи. Прошу прощения. Я понятия не имела».

Дж.: «Ты ведь там не говорила насчет сходства? Они жутко чувствительные».

Конечно, я тут же стала копаться в памяти, отчаянно пытаясь вспомнить, говорила я им об этом или нет. Для меня это было бы вполне типичное замечание – просто так, для поддержания праздного разговора.

Я: «Надеюсь, нет. Теперь мне ужасно стыдно».

Дж.: «Ты бы помнила, если бы ты об этом сказала. Фрейзер тут же бы на тебя набросился. Он заводится с полоборота».

Мне пришлось сделать вывод, что я ничего такого им не говорила, но легче мне не стало.

Дж.: «Ты еще тут?» (Я несколько минут ничего ему не от-

вечала.)

Я: «Ну да».

Дж.: «И ты ведь ни словом не обмолвилась, что тетя Линда замужем за своим братом?»

Что? Ну не свинья?

Я: «Ах, как смешно!»

Дж.: «Признайся, ты почти поверила?»

Я: «Нет! Не понимаю, почему эта черта вашей семьи такая милая? Тебе надо у них почаще бывать. Многому научишься!»

Дж.: «Не могу. У меня начинает кровь идти носом, как только я оказываюсь севернее Темзы».

Я засмеялась, прикрыв рот рукой.

Дж.: «Подготовилась к Адамовой вечеринке? Платье выбрала?»

Я: «Да. А ты себе?»

Дж.: «Ха-ха. У меня красное, имей в виду. Не хочу, чтобы мы дисгармонировали».

Я: «Будешь с высокой прической или с распущенными?»

Дж.: «О, с высокой, совершенно точно. Сейчас все зачесывают волосы ввысь, это последний крик моды».

Я: «Не ввысь, а наверх!»

Дж.: «Без разницы».

Я: «А Хлоя будет?»

Честно говоря, я понятия не имела, почему об этом спросила. Мне тут же захотелось как-то вернуть это послание. Но,

конечно, было уже поздно.

Дж.: «Ага, придет. Кажется, в синем, так что мы нормально сочетаемся».

Тон переписки неуловимо изменился, и я вдруг почувствовала, что мне, словно обиженному ребенку, хочется вернуть все как было.

«Отлично, – ответила я. – Постараюсь обязательно ее повидать».

Похоже, упоминание о его девушке выбило нас обоих из колеи, потому что он отозвался просто подмигивающим смайликом и значком поцелуя.

Я не стала отвечать.

«С днем рожденья, милый Адам, с днем рожденья тебя!»

Хоровое пение сменилось аплодисментами и криками «Речь, речь!», разнесшимися, казалось, по всему регбийному клубу.

Адам поднял руки (словно говоря: «Сдаюсь, сдаюсь») и прошел по танцполу к микрофону:

– Ладно, ладно. Ш-ш, потише вы. Спасибо. Спасибо.

– Давай к делу! – выкрикнул Майк, лучший друг Адама и тоже, как и он, нападающий первой линии. – Черт возьми, он говорит в таком же темпе, в каком играет. Ме-е-е-едленно.

Все эти регбисты радостно завопили и принялись хлопать друг друга по спине. Словно какие-нибудь неандертальцы, собравшиеся вокруг костра в пещере.

Я улыбалась вместе с ними, но вместе с другими подружками спортсменов, пришедшими сюда, ощущала своего рода покорность судьбе: все мы знали, что наступит момент, когда наши парни, все без исключения, спустят штаны и трусы – и, прихлебывая пиво, начнут горланить традиционную «Приди, приди, о колесница»⁸. До этого я всего трижды побывала в этом клубе, и всякий раз Адам охотно обнажался. Я покосилась на Эми, девушку Майка, и мы обе сделали боль-

⁸ *Swing Low, Sweet Chariot* – спиричуэл американских темнокожих рабов, ставший традиционной регбийной песней.

шие глаза. Мы с ней встречались перед этим один или два раза, но я впервые видела ее такой разодетой. Она старательно откидывала назад свои длинные каштановые волосы, демонстрируя грудь, которая так и норовила вырваться из тесных пределов черного платья, чьи треугольные чашечки явно с огромным трудом справлялись с задачей. Бретелькам, тоненьким, как макаронины, тоже приходилось нелегко. Я не знала, чего мне больше хочется: чтобы они наконец лопнули, показав ее прелести во всей красе, или все-таки оставались на месте (а не то всех самцов, собравшихся в этом помещении, хватит инфаркт, подумала я).

– У твоей мамы небольшой прилив крови к голове, – шепнула мне Пиппа на ухо, прерывая мои ревнивые мысли. – Ничего, если я открою какое-нибудь окно?

Я нашла глазами столик, за которым сидели мои – в самом темном углу. Казалось, они вполне довольны, что притаились там вдали от разбушевавшихся масс. Папа нежно сжимал пинту горького – вторую и последнюю (я слышала, как мама ему об этом напоминает), а она сидела рядом с серебряным ведерком, где охлаждалась во льду бутылка просекко. Казалось, она ее охраняет.

– В честь того, что мы наконец-то встретились, – объявил Адам, когда вручал ей эту бутылку, роскошь которой как-то не вязалась с простонародной обстановкой клуба.

Я смотрела, как непринужденно он держится, и недоумевала, почему потребовалось столько времени, чтобы позна-

комить его с моими родителями. Мы и раньше трижды пытались что-то такое устроить, но два раза Адама срочно вызывали на работу, а один раз ему пришлось ехать к матери из-за ее очередного каприза.

– Эм, это я, – задыхаясь, сказал он в трубку, когда я уже сидела в блэкхитском баре *Côte Brasserie*⁹. Мама с папой уже выехали.

– Привет. – Я улыбнулась. – Ты где?

– Прости, детка, но я, похоже, не смогу.

Я думала, он шутит. Он знал, как мне хотелось познакомиться его с моими родителями. Я была уверена, что это очередной его розыгрыш. Но внутри у меня все равно екнуло.

– Тут просто мама в таком состоянии, знаешь...

– Мне очень жаль. – Я отчаянно пыталась удержаться и не показать, как я разозлилась. Все это время я улыбалась сквозь стиснутые зубы.

– Ну да. Извини уж.

– Что значит – «она в таком состоянии»? – Мой возмущенный голос заставил вздрогнуть пару за соседним столиком. Они посмотрели сначала на меня, а потом друг на друга. Удивленно подняв брови.

– Она страшно разволновалась из-за письма, которое ей прислали из муниципалитета.

Тут я вспомнила, что вчера вечером подслушала, как он рассказывает Памми по телефону о наших с ним планах.

⁹ «Пивной берег» (фр.).

– Ты что, издеваешься? – прошипела я.

– Э-э... нет. И было бы неплохо, если бы ты немного сбавила тон.

Я понизила голос:

– Ты можешь разобраться с ее проклятым муниципальным письмом завтра. Сегодня вечером ты мне нужен здесь.

– Я уже въезжаю в Севенокс, – сообщил он. – Загляну к вам, если рано освобожусь.

Я разъединилась, не сказав ни слова. Ах, он уже там? Как он вообще мог к ней отправиться, он же знал, что я его жду? Что *мы* его ждем?

С тех пор прошел месяц. И вот я смотрела, как он ловко обнимает мою мать одной рукой, являя собой воплощенное очарование.

– О-о, мне он так нравится, – с энтузиазмом заявила мама, алея щеками. – Вот истинный джентльмен.

– Ведь правда? – выпалила я. – Тебе и в самом деле так кажется?

– О, за такого надо держаться покрепче, это уж точно.

Маме сравнительно легко угодить. А вот с папой всякому моему потенциальному поклоннику приходилось куда труднее.

– Ну, какого ты о нем мнения? – спросила я отца, как только Адам удалился за пределы слышимости.

– Ему надо еще многое сделать, чтобы доказать, что он чего-то стоит, – проворчал папа.

– Гляжу, он его сразу заобожал, – язвительно заметил Себ, сидевший рядом с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.